

ХЕЙЛИ НОРТ

*Пожель
и любовь*

Хейли Норт

Ложь и любовь

OCR ЮСЯ; Spellcheck ПАДА
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158027
Ложь и любовь: АСТ; Москва; 2001
ISBN 5-17-008147-2

Аннотация

Это – необычная и увлекательная история.

История невероятной любви и загадочных приключений...

История красивой женщины, овдовевшей через несколько часов после скоропалительной свадьбы...

История сильного мужчины – холодного прагматика, впервые внявшего голосу сердца...

История страсти, сводящей с ума. Страсти, подобной урагану. Страсти, сметающей все на своем пути.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	45
Глава 4	62
Глава 5	78
Глава 6	96
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Хейли Норт

Ложь и любовь

Глава 1

– К-как умер? – переспросила Маргарет («Зовите меня Мэг, пожалуйста») Маккензи Купер Понтье. Она уронила на колени жакет от шерстяного костюма, схваченный ею впопыхах, чтобы прикрыть неглиже, и уставилась с открытым ртом на незнакомого мужчину с мрачным взглядом, который вошел в гостиничный номер, открыв дверь своим ключом. – Жюль умер?

Мужчина кивнул, сурово поджав губы.

Мэг нашарила рукой гостиничный махровый халат – собираясь примерить одежду, которую доставили от Сакса по настоянию Жюля, она бросила халат где-то возле кровати, – быстро накинула его на себя и крепко перетянула пояс. Затем наконец встала с огромной двуспальной кровати, где сидела все это время и на которой спала одна после того, как Жюль, устроив ее в отель, исчез.

Выпрямившись во весь рост – прямо скажем, не слишком внушительный: пять футов четыре дюйма, – Мэг сказала:

– Ответьте мне на два вопроса. Во-первых, кто вы, а во-вторых, откуда вы знаете, что Жюль мертв?

На лицо незнакомца набежала тень, он стиснул кулаки, и Мэг поняла, что возражать бесполезно. Этот человек явно недавно столкнулся со смертью. Она нервно сглотнула и потянула за пояс халата.

Мужчина прошел в номер и закрыл за собой дверь. Темные глаза, в которых зрела буря, отметили смятую постель, коробки с одеждой от Сакса, затем подвергли тщательному осмотру саму Мэг. Начав с босых ног, взгляд незнакомца двинулся вверх по ее лодыжкам, скользнул поверх белого махрового халата, отметил хаос, царящий в ее длинных темных кудрях, и наконец остановился на губах. У Мэг возникло ощущение, будто он способен видеть сквозь халат и тонкий шелковый гарнитур из комбинации и трусиков, который она примеряла как раз перед появлением незнакомца. Мэг уже открыла было рот, чтобы попросить мужчину убраться, когда тот с ядовитой насмешкой заключил:

– Да, Жюль всегда умел получить за свои деньги сполна.

– Как прикажете понимать ваши слова? – В вопросе Мэг прозвучало больше тревоги, нежели негодования. Может, Жюль кому-нибудь рассказал, зачем ее нанял? – Я еще раз спрашиваю: кто вы такой?

– А зачем? Вы что, прежде чем получить с клиента деньги, всегда просите его предъявить удостоверение личности? – все так же язвительно осведомился незнакомец.

– Не понимаю!

Мужчина пожал плечами и достал из кармана кожаный

бумажник.

– Зная Жюля, могу предположить, что он не заплатил вам перед уходом. Сколько он вам задолжал? – Незнакомец извлек из бумажника несколько стодолларовых банкнот. – Двести? Триста?

Мэг уставилась на деньги. Так он принял ее за проститутку! Ей хотелось расхохотаться, и это желание только усилилось при мысли о том, как бы он отреагировал, скажи она «двадцать тысяч долларов». Но вместо этого Мэг схватила телефонную трубку.

– Если вы сию же минуту не уберетесь из номера, я вызову службу безопасности.

– Послушайте, дорогуша, игра окончена, кормушка закрылась. – Он разжал пальцы, несколько банкнот, кружась в воздухе, приземлились на кровати. – Собирайте вещички и выматывайтесь. Эти новые тряпки можете тоже прихватить, мне все равно. – Плечи мужчины поникли, в глазах появилась глубокая печаль, и от этого выражение его лица немного смягчилось. – Ваш богатый любовник больше не вернется.

Заметив в его голосе печальные нотки, Мэг снова переспросила, но уже не так требовательно, как раньше:

– Кто вы?

Мужчина направился через просторную гостиную к дивану и бросил на ходу:

– Если уж вам так хочется знать, я брат Жюля.

Его брат. Мэг зажала рот рукой, чтобы не ляпнуть от

неожиданности что-нибудь неподходящее. Назовись он самим дьяволом, она и то отреагировала бы спокойнее. Однако сходство с Жюлем явно есть. Правда, Жюль был худощавым, почти тощим, а этот – крепкий, широкие плечи выдают в нем недюжинную силу, манера поведения свидетельствует о целеустремленности. Жюль носил рубашки «поло» со спортивными блейзерами и слаксами, а его брат явился в дорогом деловом костюме, в белоснежной рубашке и темном галстуке.

В дверь постучали. Мэг и ее незванный гость ответили одновременно.

– Войдите.

В номер вошел служащий в униформе отеля, сгибаясь под тяжестью огромной корзины, завернутой в фиолетовый и зеленый целлофан.

– Прошу прощения за вторжение, миссис Понтье, это от управляющего отелем, он шлет вам и мистеру Жюлю свои поздравления и наилучшие пожелания.

Мэг устала на корзину. Сквозь целлофан виднелась бутылка шампанского в окружении конфет и свежих фруктов. Поздравления? С фиктивным браком, на который она решилась исключительно от отчаяния? А Мэг было от чего прийти в отчаяние: после безвременной смерти мужа около года назад она неожиданно обнаружила, что покойный оставил ей в наследство одни долги, и с тех пор безуспешно пыталась выбраться из финансовой трясины, грозившей засо-

сать ее саму и трех ее детей.

Служащий отеля внес корзину и осторожно водрузил ее на низкий столик перед диваном. Подняв голову, он увидел брата Жюля.

– О, мистер Паркер, прошу прощения, из-за этой корзины я вас не заметил.

– Клинтон, если не ошибаюсь? Служащий кивнул.

– Как поживает ваша матушка?

Он опустил голову и вытер руки о лампасы на штанинах форменных брюк.

– Как вам сказать, мистер Паркер, иногда хорошо, иногда похуже.

Достав – уже во второй раз за последние пятнадцать минут – бумажник, брат Жюль вынул из него банкноту и сунул в руку служащему. Жюль характеризовал своего брата как самого прижимистого человека на свете, однако он уже второй раз покрывает из своих собственных средств расходы, которые должен был нести Жюль. Уговаривая Мэг помочь ему в осуществлении его планов, он описывал брата как безжалостного и эгоистичного типа, который, участвуя в управлении семейной корпорацией, все всегда делает по-своему, не считаясь с интересами семьи и сотен наемных работников. В частности, тот отказался принять выгодное предложение одной мультинациональной компании о выкупе корпорации. Между тем, если бы Жюлю удалось добиться этого предложения, то члены семьи Понтье обеспечили бы себе и

нескольким поколениям своих потомков безбедное и беззаботное существование.

Итак, брат Жюля знает о его смерти. Не он ли – в ней повинен? Мэг поежилась. Служащий отеля с улыбкой говорил что-то Паркеру, но она потеряла нить разговора.

– ...управляющий узнал новость от ночного портье, а тот, в свою очередь, узнал от самого мистера Жюля.

– Спасибо, Клинтон, поблагодари мистера Стиббса за корзину, – сказал Паркер.

Клинтон, поняв, что он свободен, направился к двери.

– Подождите! – окликнула его Мэг. Она терпеть не могла, когда ее в чем-то обходили. Этот человек доставил подарок, предназначенный ей и ее... гм, мужу. В самолете на протяжении всего полета из Лас-Вегаса до Нового Орлеана Жюль втолковывал Мэг, что она должна произвести на его родных впечатление достойной благовоспитанной особы, на какой он только и мог жениться. Мэг подняла с кровати одну из стодолларовых купюр, небрежно брошенных Паркером, и сунула Клинтону. – Передайте своей маме мои наилучшие пожелания.

– Благослови вас Бог, – ответил Клинтон. – Надеюсь, мистер Жюль понимает, как ему повезло с женой.

Мэг быстро покосилась на Паркера. Тот скептически вскинул одну бровь, что здорово действовало ей на нервы.

Клинтон ушел и закрыл за собой дверь. Мэг и Паркер молча взирали друг на друга, стоя по разные стороны от подароч-

ной корзины. Мэг ждала, что он заговорит первым. В конце концов, Паркер должен быть не менее удивлен встречей со своей невесткой, чем она – встречей со своим деверем, с какой же стати ей делать первый шаг? Но в действительности Мэг могла бы услышать от Паркера только одно: что все это недоразумение и Жюль на самом деле жив.

– Вам не кажется, что вы малость переигрываете, дорогуша? – резковатые нотки в его голосе были слишком заметны, чтобы Мэг могла чувствовать себя спокойно, а манера Паркера слегка растягивать слова почему-то напомнила Мэг о гремучей змее, свернувшейся клубочком между камнями и гревшейся на солнышке в безжизненной пустыне под Лас-Вегасом.

– Что вы имеете в виду?

Положение, в котором оказалась в данный момент Мэг, было не из лучших, и она старалась не выказывать враждебности. Когда умер Тед, Мэг думала, что попала в очень трудную ситуацию, но сейчас... Разница между тогдашней ситуацией и нынешней в том, что Тед был ее мужем двенадцать лет.

Паркер указал на корзину.

– Я говорю о вас и Жюле. Ночному портье брат сказал, что женился. Раньше он никогда не заботился о репутации женщин, которых приводил в этот номер, во всяком случае, не настолько заботился, чтобы сочинять байки для служащих отеля. – Паркер прищурился и потер подбородок. – Интерес-

но, что изменилось на этот раз?

Его упорное нежелание поверить ее версии оскорбляло Мэг, ей захотелось вклеить этому надменному типу пощечину. Затем она вдруг поняла, что стоит под критически оценивающим взглядом Паркера в одном только махровом халате с монограммой отеля «Морепа» и к тому же босиком. Мэг с вызовом вздернула подбородок, словно говоря: «Только попробуй сказать какую-нибудь гадость!»

И Паркер, конечно, не смолчал, чем только укрепил ее во мнении, что он – надменный тип.

– Кажется, я понимаю, почему Жюль попытался придать вашим отношениям оттенок респектабельности. – Паркер начал развязывать бант, удерживающий целлофановую обертку корзины. – Вы явно на порядок выше рангом тех шлюшек, с которыми он обычно имел дело.

– Что вы хотите этим сказать?

Мэг сама почувствовала, как от ее голоса повеяло холодом. Никто еще не разговаривал с ней в таком тоне, да и впредь не посмеет! Цену твердости и умению постоять за себя Мэг поняла давным-давно, еще в детстве, когда ей приходилось позаботиться о себе в детском приюте, и позже, когда судьба бросала ее от одних приемных родителей к другим.

– Я сказал... – Паркер перевел взгляд с упаковочной ленты на Мэг. – Послушайте, кем бы вы ни были, нет смысла препираться. Мой брат мертв, я только что опознал его тело в полицейском участке. – Он поник и опустил руки. – Этот

номер был излюбленным убежищем моего брата, где он спасался от мира, и я пришел сюда, чтобы побыть немного в тишине, мысленно попрощаться с покойным. Так не могли бы вы просто собрать вещички и уйти, оставив меня одного?

Мэг шагнула вперед и одним рывком развязала бант на корзине. Целлофан раскрылся. Совсем недавно она именно так и собиралась поступить – как можно скорее убраться из этого номера и найти способ вернуться в Лас-Вегас. Имея в кармане несколько сот долларов, которые этот сукин сын так высокомерно швырнул на кровать, осуществить это было бы несложно. Но потом Мэг дала сотню Клинтону. К тому же принять деньги означало бы признать, что она заработала их, проведя ночь с Жюлем. Кроме всего прочего, этот человек явно напрашивается на то, чтобы ему преподали урок, и она, Маргарет (зовите меня Мэг, пожалуйста) Маккензи Купер Понтье, это сделает. Паркер сел на диван и потянулся за бутылкой шампанского. Вынул ее из корзины и повертел в руках – как показалось Мэг, его руки держали тяжелую бутылку без малейших усилий.

– Он любил шампанское, – заметил Паркер, щелкнув пальцем по этикетке.

– Да, любил, – прошептала Мэг, прекрасно зная, что Жюль предпочитал бурбон и воду. Во всяком случае, в ту ночь в казино «Бельведер», когда Жюль попросил ее стать его женой, он пил именно это.

– И шоколад, – продолжал Паркер, доставая из корзины

конфету в оранжевой фольге.

Мэг прошептала что-то в знак согласия, хотя на самом деле и понятия не имела, что любил Жюль. В баре казино «Бельведер» Жюль пил бурбон и воду – и это все, что она знала. От соленого арахиса, предложенного стюардессой в самолете во время полета из Лас-Вегаса, он отказался. Уже в Новом Орлеане, в отеле, Жюль заказал для Мэг обед в номер, но себе заказывать не стал, и пока она ковырялась в тарелке, слишком взволнованная, чтобы есть, он расхаживал по комнате. Затем Жюль ушел по какому-то таинственному делу, и больше Мэг его не видела.

– И лесные орехи он любил, – продолжал Паркер, набирая пригоршню орешков из корзины. – Надо отдать Стиббсу должное, у него превосходная память.

Мэг кивнула. Она с удивлением услышала, что со стороны сидящего на диване мужчины послышалось нечто похожее на подавленный всхлип, и это удивило ее. Может, он и вправду пришел сюда оплакать брата? Но все, что Мэг слышала от Жюля, заставляло предполагать обратное. Она решила прощупать почву.

– Можно подумать, будто вы и впрямь переживаете. Паркер поднял голову и впился взглядом в ее глаза.

– Только дураки судят о том, чего не знают.

Он произнес это так тихо, что Мэг расслышала его слова, лишь наклонившись к нему. В первый момент она почувствовала себя так, будто Паркер дал ей пощечину, а потом

сообщила, что уж с его-то стороны заявлять такое просто глупо. Подражая его южной манере растягивать слова, она сказала:

– Да, вы совершенно правы.

Паркер вскинул брови. Мэг улыбнулась, подошла к двери и открыла ее.

– Я бы хотела побыть одна. – Она сделала паузу. – Наедине с воспоминаниями о моем покойном муже.

Паркер не шелохнулся.

– Му-же? – по слогам переспросил он, катая в пальцах орешки и разглядывая Мэг из-под полуприкрытых век. – Послушайте, когда Клинтон пытался спасти то, что еще осталось от репутации семьи, я проглотил эту нелепую выдумку, но если вы думаете убедить меня, будто мой брат женился на вас, то вы просто спятили. Жюль был ужасным снобом, и хотя испоганил оба своих брака, но каждый раз женился на ровне.

Вот уж кто настоящий сноб, так это сам Паркер. Мэг ошенилась, на время забыв о том, что он ей никто и его мнение ровным счетом ничего для нее не значит. Ну принял он ее за дорогую проститутку, и что с того? Что это меняет? Ей нужно возвращаться домой в Лас-Вегас и пустить те десять тысяч долларов, что заплатил ей Жюль в качестве аванса, на нужды семьи.

И все же Мэг не желала допустить, чтобы этот человек считал ее девушкой на одну ночь, ничего для его брата не

значившей.

— Возможно, вы знали брата не так хорошо, как вам кажется, — холодно заявила она. — Потому что мы действительно поженились, и у меня есть на этот счет соответствующие документы.

Паркер поднялся с дивана. И снова его распрямившееся тело вызвало у нее в памяти аналогию с гремучей змеей, разворачивающей свои кольца.

Мэг чуть было не попятилась, но мысленно приказала себе не отступать и только глубже зарылась босыми ступнями в густой ворс ковра. У нее действительно есть документы, подтверждающие, что она стала миссис Жюль Понтье III, пускай-ка Паркер попробует их оспорить. Мэг не имела понятия, что станет с планами Жюля относительно семейной компании теперь, когда его нет в живых. Он пространно объяснял ей сложное устройство семейной корпорации, но Мэг четко уяснила только одно: в результате женитьбы голос Жюля на семейном собрании акционеров автоматически становится вдвое весомее. Унаследовала ли она право голоса после смерти Жюля, Мэг не знала. Но не должна ли она в любом случае остаться в Новом Орлеане и сделать для него все, что окажется в ее силах? Известие о смерти Жюля так ошеломило Мэг, что ей было трудно принять решение. Все-таки десять тысяч долларов, которые Жюль уже заплатил Мэг, к чему-то ее обязывают, кроме того, он был к ней добр и сдержал обещание, что не станет посягать на ее тело. Уже за одно

это Мэг была готова выполнить свою часть сделки. Стараясь вести, себя как подобает светской даме, какой ее хотел видеть Жюль, она протянула Паркеру руку.

– Прошу меня простить, – тут голос Мэг дрогнул, – известие о смерти Жюля так потрясло меня, что я совсем забыла о хороших манерах. Позвольте представиться, Маргарет Купер... э-э... Понтье. Но прошу вас, зовите меня Мэг.

– Черт побери, у меня нет слов! – И куда только подевалась приятная южная манера Паркера чуть растягивать слова? Он навис над Мэг, засунув руки в карманы дорогих шерстяных брюк. – Похоже, вы не шутите.

Мэг смерила его высокомерным – как она надеялась – взглядом. Конечно, когда ты в банном халате, нелегко держаться с королевским достоинством, но ей очень помогала решимость.

Паркер медленно протянул Мэг руку.

– Паркер Понтье, – представился он, глядя на ее руку. Мэг кивнула.

– Я много слышала о вас, вы... – Господи, она чуть было не сказала «сущий дьявол»! Мэг покраснела и заметила, что это не укрылось от внимания Паркера, – ... младший брат Жюля.

Он задержал ее руку в своей. Ни слова не говоря, просто держал ее некоторое время, а темные глаза между тем разглядывали, изучали, оценивали. Наконец Паркер разжал пальцы. На какую-то долю секунды Мэг стало даже жаль, что

Паркер отпустил ее руку. В его прикосновении она ощутила мягкость, которой и в помине не было ни в его словах, ни во всем облике и манере обращения. А еще она ощутила связь с другим человеком – да что уж там, скажи прямо, Мэг, с мужчиной, – какой у нее не возникало ни с кем уже очень, очень давно.

– Как вижу, вы времени зря не теряете, уже начали тратить его денежки. – Паркер окинул выразительным взглядом многочисленные коробки от Сакса, разбросанные по кровати. – Что ж, по крайней мере вам не придется покупать одежду для церемонии похорон.

Похороны. Это слово эхом отдалось в голове у Мэг. Она все еще не могла привыкнуть к мысли, что Жюль мертв. Кроме того, Мэг не знала, как именно он встретил смерть, а она хотя была знакома с Жюлем совсем недолго, искренне хотела это узнать, потому что была по натуре доброй и заботливой.

– Как Жюль умер?

В ответ Паркер издал странный сдавленный звук, сменившийся резким смехом. Покачав головой, он склонил ее набок и пристально взгляделся в лицо Мэг.

– Скажите, миссис Понтье, хорошо ли вы знали своего бывшего мужа?

Паркер ухитрился так растянуть слово «миссис», как будто в нем было по меньшей мере слогов восемь. Мэг едва не поморщилась.

– Довольно хорошо, а что?

– В таком случае признаюсь вам, что он так и не победил самого страшного из своих демонов.

Что бы это значило? Мэг облизнула губы. То, что она знала Жюля меньше трех дней, ставило ее в явно невыгодное положение. Поэтому она промолчала. Теребя отвороты халата и настороженно наблюдая за Паркером, Мэг ждала, не выдаст ли он хоть какую-то информацию, которая подскажет ей ответ.

Украдкой поглядывая на Паркера, Мэг отметила чувственный изгиб его губ, сдерживаемую силу, таящуюся в широких плечах. В мускулистых руках Паркера тоже ощущалась сила, которой явно недоставало Жюлю. Взгляд Мэг задержался на руке, недавно пожимавшей ее руку, и она невольно снова ощутила тепло его кожи.

«Прекрати, Мэг, у тебя и без того куча проблем!» Она поспешно спрятала руку в карман халата. Каким бы привлекательным ни казался ей Паркер Понтье, после того, что она сделала, не годится реагировать на него как на мужчину. Когда Жюль Понтье изложил Мэг свое, как он выразился, чисто деловое предложение, она отказалась, потом он стал настаивать, и она поддалась на уговоры. Предложение Жюля как будто было ответом на ее молитвы о спасении семьи от финансовой катастрофы, а Мэг не из тех, кто отказывается от удачи. Но сейчас, когда Жюль умер, весь этот маскарад начал приобретать совершенно иную окраску. Возникли такие сложности, которых Мэг и вообразить не могла, опрометчи-

во согласившись сыграть роль жены Жюля Понтье-третьего.

– Очевидно, вы намерены делать вид, будто не представляете, о чем речь. В таком случае не стану ходить вокруг да около. – Паркер в сердцах ударил кулаком по ладони. – Жюль погиб из-за какой-то жалкой щепотки кокаина. Но откуда вам знать об этом демоне, да и обо всех прочих, если уж на то пошло?

Паркер чуть ли не орал на Мэг, и, чтобы не терять самообладания, она мысленно повторяла себе, что его горячность вполне объяснима и оправданна, он только что потерял брата. Мэг снова облизнула губы и промолчала. Паркер продолжал кипятиться.

– Он больше года не употреблял наркотики! А потом, – Паркер ткнул в нее пальцем, – отправился на выходные в Лас-Вегас, и вот пожалуйста – его снова потянуло на кокаин!

Мэг и в голову не пришло, что Жюль был под кайфом, впрочем, она мало что знала о наркотиках. Задумавшись над этим, Мэг пропустила мимо ушей обвинение, которое читалось между строк. Разумеется, к решению Жюля купить кокаин она не имела никакого отношения, поскольку и спиртного-то почти не употребляла, никогда не курила марихуану и в жизни не имела дела с кокаином. Сейчас, вспоминая тот вечер, Мэг подумала, что Жюль действительно был немного на взводе и почти ничего не ел.

– Где это случилось?

– В трех кварталах от отеля.

– Как... откуда вы можете знать, что он покупал наркотики?

Паркер бросил на нее взгляд, говоривший, что только идиотка может вообразить, будто он станет говорить о том, чего не знает.

– Жюль стал покупать кокаин у переодетого полицейского, точнее, полицейской, а когда та попыталась его арестовать, вырвал у нее пистолет.

– И его застрелили?

Голос Мэг дрогнул. Бедный Жюль, какая нелепая смерть! И это после всего, что он наговорил ей о высоком социальном положении своей семьи и о том, как важно для его родных общественное мнение!

Паркер покачал головой и снова сел, вернее, рухнул на диван.

– Он сам себя убил из полицейского пистолета.

– Не может быть! Зачем Жюль это сделал?

Паркер положил руки на колени и мрачно уставился на них. Затем тихо сказал не то Мэг, не то самому себе:

– Наверное, он не смог пережить позора.

– В жизни не слышала большей глупости! – Мэг начала ходить по комнате, прошла к дивану, потом вернулась к двери. – Если тебя арестовали, это еще не конец света. Пока вина не доказана, человек считается невиновным, даже... – Мэг осеклась, вспомнив, что слышала от кого-то в Лас-Вегасе, будто Новый Орлеан во многих отношениях – нечто вро-

де страны третьего мира.

– Даже в Новом Орлеане? Даже если вас забрали в участок? – Паркер замотал головой. – Жюль бы не пережил, если бы люди узнали, что он снова вернулся к наркотикам. – Паркер стиснул кулаки и ударил себя по бедрам. – Брат был способен на большее! Да, Жюль распоряжался своей жизнью по-идиотски, тратил ее на всякую ерунду, но он не должен был кончить вот так!

Сидя на диване, Паркер мрачно уставился в камин, находящийся в противоположной стене комнаты, как будто видел в нем фильм из жизни брата. Мэг тихо подошла к дивану и с опаской присела на краешек. Сочувствие направляло ее руку, она дотронулась до плеча Паркера, но ничего не сказала. Мэг слишком хорошо знала, как мало помогают слова, когда теряешь близкого человека. Она погладила рукав его шерстяного костюма, успокаивая собеседника точно так же, как успокаивала, например, Саманту, когда той снились страшные сны, только Саманту Мэг погладила бы по голове.

Паркер медленно перевел взгляд с камина на ее руку. На скулах у него заиграли желваки, и он резко стряхнул руку Мэг.

– И не пытайтесь подлизываться ко мне. Не знаю, по каким причинам, но брат снова стал употреблять кокаин, и ваше появление – единственный новый фактор в уравнении.

Мэг прижала руку к груди.

– Любой дурак знает, что за поведение наркомана отвеча-

ет только он сам. Или вы совсем не разбираетесь в психологии?

Паркер указал на коробки с дорогой одеждой.

– Не надо быть большим психологом, чтобы догадаться: ваш интерес к моему брату был чисто меркантильного свойства, поэтому не пытайтесь изображать заботу и участие.

– Уж не думаете ли вы...

Паркер посмотрел на нее с притворным ужасом:

– Вышли замуж ради денег? О нет, конечно же, вы на это не способны, мисс Невинность! Кстати, кто вы вообще такая? Девушка по вызову из Вегаса, поймавшая моего братца на крючок в минуту слабости?

Мэг открыла было рот, чтобы возразить, но промолчала и поджала губы. Паркер говорит неприятные вещи, но, к сожалению, слишком близок к истине.

– Ну что, я попал в точку? – Паркер встал и навис над ней, поставив руки на бедра. – Весь город знает, что у него была постоянная любовница, так с какой стати он помчался на выходные в Вегас и вернулся оттуда женатым?

– У него... что?

Мэг не верила своим ушам. Если это правда, зачем Жюлю понадобилась жена? Потом ей вспомнились его слова: «Паркер ради победы готов на все». Она прищурилась.

– Вы меня слышали. Если у вас нет юридических доказательств того, что вы поженились, я вам не завидую.

Если раньше Мэг и подумывала о том, чтобы сбежать из

Нового Орлеана поджав хвост и автостопом добраться до Лас-Вегаса, то сейчас ее разобрала злость, и она отбросила все мысли о бегстве.

— Ах вы заносчивый су... — Мэг вовремя спохватилась. Ругаться как извозчик — это как раз то, чего, по мнению Жюля, ей делать никак не следовало. Он очень придирчиво относился к качествам женщины, которую ей следовало изображать, и Мэг поняла почему, когда узнала, что за сноб его младший братец.

Паркер изогнул правую бровь.

Мэг вскочила, но потом быстро овладела собой, плотно запахнула на себе халат и не спеша с достоинством двинулась к большому шкафу, где Жюль держал свой портфель из мягчайшей кожи. Вероятно, один этот портфель стоил больше, чем вся вместе взятая обувь, купленная ею за все предшествующие годы жизни. Открыв портфель, Мэг достала свидетельство о браке, на котором стояли имя Жюля и ее собственное, и обернулась. Оказалось, что Паркер последовал за ней, поэтому она буквально ткнула документом ему в грудь. Паркер взял из рук Мэг бумагу. Не отступив от нее ни на шаг и наблюдая за выражением ее лица чуть более пристально, чем она могла вытерпеть без ущерба для своего душевного спокойствия, он прочел свидетельство о браке. У Мэг участилось дыхание, она с трудом подавила импульсивное желание оттолкнуть от себя Паркера.

Дочитав до конца, он нахмурился и постучал пальцем по

рельефной печати.

– Вы поженились вчера?

Мэг кивнула, пытаясь дышать ровно. Ее подбородок находился примерно на уровне узла на его галстуке. Брови Паркера поползли вверх. Он стоял так близко, что ей были видны темные волоски, просвечивающие сквозь ткань его сорочки.

Мэг попятилась к шкафу.

– Вы поженились вчера, – повторил Паркер. На этот раз это был не вопрос, а утверждение.

– Да.

Он с непроницаемым выражением лица протянул ей свидетельство о браке, а потом произнес фразу, от которой Мэг стало дурно:

– Через час вся семья будет ждать вас дома.

Глава 2

– Дома?

Паркер посмотрел на нее так, будто она сморозила невероятную глупость.

– Хотя Жюль предпочитал прятаться в этом номере, у него, разумеется, есть свои комнаты и в Шугэ-Бридж, и в Понтье-Плейс.

Оба названия звучали довольно высокопарно. Мэг наморщила лоб: что за жизнь он вел, во что она ввязалась? Но вовремя спохватившись, Мэг изобразила улыбку.

– Конечно, я знаю об этом. Просто я... – Она осеклась и отвела взгляд. Лучше смотреть на шкаф, на ковер, куда угодно, лишь бы только не на этого мужчину, который, кажется, видит ее насквозь, да и стоит слишком близко.

– Задумались, что надеть? – спросил Паркер.

Он наконец-то отступил, и Мэг чуть-чуть отошла от шкафа. Когда Паркер стоял так близко и смотрел на Мэг в упор, у нее возникало нелепое желание спрятаться в шкаф и закрыть за собой дверцы.

– В халате вы смотрите лучше всех женщин, каких мне доводилось видеть, так что, думаю, вы благополучно пройдете смотрины.

– О... – Осмыслив это заявление, Мэг решила, что, вероятно, Паркер видел не так уж много женщин в халатах. –

Благодарю вас.

Паркер рассмеялся. Его смех снова прозвучал сухо, слишком резко и совсем невесело.

– Не стоит меня благодарить. И не думайте, что я приму на веру свидетельство о браке, которым вы размахивали у меня перед носом, не удостоверившись в его подлинности.

Говоря так, Паркер снова сократил расстояние между ними и взял ее за подбородок. Мэг стало трудно дышать, на какой-то миг у нее мелькнула безумнейшая мысль, что Паркер собирается поцеловать ее. И, помоги ей Господи, она знала, что ей бы это понравилось.

Вместо этого Паркер медленно, словно обдумывая и взвешивая каждое слово, произнес:

– Жюль действительно питал слабость к хорошеньким мордашкам, а вы потрясающая женщина. – Он уронил руку и добавил другим тоном: – Что ж, миссис Понтье, добро пожаловать в Новый Орлеан. Я вернусь за вами через час.

И ушел, не дав Мэг времени осмыслить, что именно он пытался довести до ее сведения.

Нет, этот тип не просто высокомерен, ему еще хватает наглости насмеяться и над ней, и над своим братом! Потому что она вовсе никакая не потрясающая женщина, уж это точно. Мэг обхватила себя руками и решила сделать то, что успокоило бы ее лучше всего: позвонить домой.

Устроившись на широкой кровати и скрестив ноги по-турецки, она набрала номер миссис Феннистон. Звонок из оте-

ля, наверное, стоит баснословных денег, но Мэг, дожидаясь, пока на том конце провода снимут трубку, зажмурилась и постаралась не думать об этом. Жюль мертв, но счет будет оплачен.

Она звонила уже дважды, но оба раза натыкалась на автоответчик. Полный достоинства голос миссис Феннистон, записанный на пленку, сообщал, что дети чувствуют себя прекрасно и скучать им некогда. Но Мэг хотелось самой поговорить с ними, услышать их голоса, мысленно обнять. Впрочем, ей самой хотелось, чтобы ее обняли. Мэг осталась одна в чужом городе; мужчина, с которым она приехала, бессмысленно погиб от пули в стычке по самому отвратительному поводу. При мысли о том, что в смерти Жюля замешана женщина-полицейский, Мэг кипела от возмущения, однако как мать она не могла винить блюстителей порядка. Наркотики – страшное зло, и если Жюль пытался купить наркотик – что ж, ему не следовало этого делать. И все же, погибнуть так бессмысленно...

Мэг вздохнула, удивляясь, почему никто не берет трубку, и посмотрела на часы: в Новом Орлеане почти полдень, значит, в Лас-Вегасе около десяти утра. Вероятно, дети ушли завтракать или отправились в церковь. Миссис Феннистон ревностно следит за тем, чтобы они не пропускали службу. Но могла бы по крайней мере включить автоответчик.

Длинные гудки перекрыл электронный голос, не слишком любезно напоминающий Мэг, что абонент не отвечает и ей

следует перезвонить позже.

Мэг швырнула трубку на рычаг, потом подняла ее и положила снова – на этот раз куда более аккуратно. Тедди и Элен она не спустила бы с рук такое поведение, так что и ей самой не годится срывать злость на телефоне. У Мэг нет этому никаких оправданий, абсолютно никаких.

Ха!

Мэг спрыгнула с кровати и начала мерить шагами комнату, так, что полы халата разлетались в стороны. От кровати к камину. От камина к шкафу, возле которого Паркер Понтье буквально держал ее в плену. От шкафа к дивану, где он сидел, уставившись на нее оценивающим, осуждающим, презрительным взглядом. Как он только посмел!

Мэг заходила еще быстрее. Не останавливаясь, сбросила с себя халат, сменила шелковую комбинацию, обнаруженную в одной из коробок от Сакса, на просторную футболку с эмблемой университета Лас-Вегаса, в которой она спала, – один из немногих предметов, составляющих ее собственный весьма скудный дорожный гардероб. Бесформенная футболка – совсем не та вещица, которую станет упаковывать в чемодан новобрачная, собирающаяся в свадебное путешествие, но ее ведь и не назовешь новобрачной.

Эта мысль почему-то погнала Мэг к дивану. Она плюхнулась на подушки и уронила голову на руки, заняв почти такую же позу, как совсем недавно Паркер.

Что же ей теперь делать? Заявиться в фамильный особняк

и сыграть роль безутешной вдовы?

А если нет, то что же еще?

Признаться. Рассказать все как есть, отдать десять тысяч долларов за вычетом стоимости обратного авиабилета до Лас-Вегаса и вернуться на прежнюю работу в казино «Бельведер». Отвезти одежду в магазин. Разоблачить самое себя как фальшивую вдову, доставив тем самым удовольствие Паркеру Понтье. Последнее, пожалуй, тяжелее всего, как бы трудны ни были все остальные пункты.

Мэг встала с дивана, прошла к кровати и растянулась на животе, прижав к себе подушку. Прижимаясь щекой к гладкой ткани покрывала, она закрыла глаза и спросила себя: окажись в подобной ситуации кто-то из ее детей, как бы она хотела, чтобы он поступил? Мэг всеми силами старалась научить их делать правильный выбор, так как считала это составной частью правильного решения.

Вероятно, ошибку она допустила еще тогда, когда позволила Жюлю втянуть ее в эту авантюру. Хотя Мэг пошла на это ради семьи, ради того, чтобы вытащить их всех из финансовой пропасти, следовало подумать о последствиях. А она предпочла закрыть на все глаза и вот теперь пожинает плоды.

Но до чего же она устала смотреть, как ее дети расплачиваются за катастрофическое неумение их отца распоряжаться деньгами! После смерти мужа Мэг пережила крах его компании, потерю их дома и сделала неприятное открытие, что

Тед получил деньги по собственному страховому полису, даже не поставив ее в известность. Естественно, что в такой ситуации тридцать тысяч долларов за три дня работы показались манной небесной. На эти деньги Мэг могла бы закончить обучение, найти работу получше и расплатиться с самыми настырными из кредиторов. А теперь Жюль мертв.

Ей следует рассказать семейству Понтье всю правду, как бы это ни было неприятно и неловко.

Мэг погладила подушку, открыла глаза и снова потянулась к телефонной трубке. В это самое мгновение телефон зазвонил. Мэг подскочила от неожиданности и вцепилась в подушку.

– Ну и глупо, – громко сказала она себе, – это либо звонят Жюлю, либо миссис Феннистон наконец пришла домой.

Телефон зазвонил снова.

Мэг колебалась. Если звонят Жюлю, ей придется много чего объяснять, не может же она трусливо принять сообщение для человека, который его уже не получит. А если это миссис Феннистон? Тогда она наконец поговорит и с Элен, и с Тедди, и с Самантой.

Звонки продолжались. Мэг, наверное, от волнения даже показалось, что они стали громче.

– Ну хорошо, хорошо, иду! – крикнула она и сняла трубку. – Алло?

– Попросите, пожалуйста, миссис Понтье, – произнес незнакомый баритон с учительскими интонациями.

– М-миссис Понтъе? – Мэг так опешила, что стала заикаться.

– Да, ее спрашивает доктор Прежан.

– Слушаю вас.

– Это миссис Жюль Понтъе? – В голосе мужчины ясно слышалось раздражение.

– Разрешите узнать, зачем вы звоните?

– Только если вы миссис Жюль Понтъе. – Голос в трубке зазвучал еще суше, но так же раздраженно.

– Ну что ж. Я действительно миссис Жюль Понтъе. – Хорошо или плохо, но это утверждение соответствует истине.

– Миссис Понтъе, – произнес ее собеседник, растягивая слова так, что Мэг едва хватало терпения дослушивать до конца, – я только что от Тинси. Она восприняла трагическое известие еще тяжелее, чем вы можете себе представить. Кстати, примите мои соболезнования, – продолжал он без паузы, и Мэг сразу поняла: мистер Прежан не одобряет сам факт ее существования, не говоря уже о скоропалительном браке с покойным, – однако, по-моему, единственное, что может как-то помочь Тинси пережить эту тяжелую потерю, – это ваше присутствие.

Мэг всегда старалась следить за своими манерами, поэтому пробормотала слова благодарности, стараясь не утонуть под обрушившейся на нее словесной лавиной. Еще бы знать, кто такая эта Тинси.

– Прошу прощения, – наконец удалось вставить ей, – но

откуда вы узнали мой телефон?

– Это же номер Жюля, – ответил доктор Прежан таким тоном, словно это все объясняло.

– Но откуда вы узнали, что я здесь?

– Я говорю с миссис Жюль Понтье или нет? – спросил баритон, уже почти не скрывая раздражения.

– Да, но откуда вы обо мне знаете?

В трубке повисло молчание. Наконец доктор спросил:

– Вы приезжая, не так ли?

Мэг замотала головой, потом, спохватившись, сказала:

– Да.

Что за глупый вопрос! Если бы она жила в Новом Орлеане, с какой стати ей останавливаться в отеле? Впрочем, жил ведь в отеле Жюль... Мэг снова замотала головой. «Интересно, не такой ли звон стоит в ушах у боксера, который провел на ринге слишком много раундов? «– подумала она.

– Вы еще поймете, что значит жить в небольшом городе, – изрек доктор Прежан уже чуточку мягче, почти по-отечески. – Цель моего звонка в том, чтобы предупредить вас: только ваше присутствие может облегчить скорбь Тинси. Ее очень утешает мысль, что в последние дни своей... – он немного поколебался, – скажем так, непростой жизни ее сын обрел любовь. Тинси, может быть, переживет этот удар, если вы будете находиться рядом с ней.

Мэг сглотнула слюну и уставилась на телефон. Тинси – мать Жюля! Господи, что же она натворила? Мэг представи-

ла себе, как на пожилую женщину, убитую трагическим известием о смерти сына, обрушивается ее откровенное признание, что Жюль нанял жену на три дня, желая обставить брата.

– А что бы случилось с Тинси, если бы я по каким-то причинам не смогла побыть при ней?

Собеседник ответил вопросом на вопрос:

– А где вам еще следует находиться? Она ваша свекровь.

– Я спрашиваю гипотетически.

– Оставим гипотетические размышления адвокатам. – Доктор Прежан кашлянул. – Возможно, мне не следовало бы обсуждать с вами этот вопрос, но вы теперь член семьи. По моим прогнозам, ей угрожал бы полный нервный срыв. Тинси очень, очень хрупкая, как тепличное растение. – Он вздохнул. – Но я буду неотлучно находиться в доме, просто на всякий случай.

Мэг невольно заподозрила, что доктор сильно неравнодушен к матери Жюля, к этой хрупкой и, похоже, не совсем нормальной женщине. Она покачала головой. Теннесси Уильямса Мэг читала только в сокращенном изложении, когда изучала литературу на первом курсе университета, но почему-то почувствовала себя так, словно оказалась на сцене среди персонажей его пьесы из жизни южан. Расслышала она и зов о помощи, прозвучавший в словах врача.

– Полный срыв? – переспросила Мэг.

– Пока я не дал ей успокоительного, Тинси рыдала так,

что сердце разрывалось, но при этом все время повторяла, что по крайней мере Жюль нашел свою любовь.

С тревогой размышляя о том, не выдает ли голос, что она чувствует себя самозванкой, Мэг стиснула телефонную трубку.

– Если я буду в Понтье-Плейс через час, она сможет со мной встретиться?

Паркер Понтье включил четвертую передачу и свирепо покосился на сотовый телефон, который швырнул на пассажирское сиденье своего «порше» вскоре после того как, рванув автомобиль с места, отъехал от отеля «Морепа». Что на него нашло? Зачем он сообщил этому старому шарлатану Прежану, что Жюль женился и спрятал жену в отеле? Если бы о существовании этой особы никто не знал, возможно, ему удалось бы как-то урезонить ее. Хотя Паркер и пообещал вернуться за Мэг через час, пожалуй, он сумел бы вытянуть из нее правду о ее так называемом браке с Жюлем. В конце концов, если нужно, он мог бы откупиться от нее, чтобы избавить семью от дальнейших неприятностей.

Врожденная интуиция и чутье бизнесмена, еще более обострившиеся за годы правления «Понтье энтерпрайсиз», подсказывали Паркеру, что от этой особы добра не жди. О том же ему твердил инстинкт выживания. А может, все дело в том, что эту никому не известную женщину им навязал Жюль, который так или иначе всегда затевал какую-нибудь

пакость.

Однако какая женщина!

Когда Паркер вошел в номер Жюля, ее внешность так поразила его, что он замер. Сидя по-турецки на огромной кровати, она казалась почти ребенком. Ее темные, слегка выующиеся волосы спутались и наводили на мысль о том, что эта прекрасная женщина всю ночь страстно занималась любовью.

Подумав об этом, Паркер содрогнулся.

От этой красотицы в банном халате нельзя ожидать ничего хорошего.

– И поэтому ты сначала швырнул ей несколько сотен, оскорбил, а только потом удосужился поинтересоваться фактами. – Произнеся эту фразу вслух, Паркер услышал в своем голосе презрительные нотки. Но откуда ему было знать?

Жюль не раз хвастался, что круглый год пользуется этим номером, где принимает любовниц и просто шлюх.

Забавный способ познакомиться с невесткой.

Невестка.

Паркер еще раз повторил про себя это слово. Хорош же он был, приняв женщину в номере Жюля за девицу по вызову. А что, если она и впрямь окажется законной женой Жюля? При этой мысли он испытал какое-то странное чувство, похожее на ревность, но из уважения к памяти покойного брата постарался тут же отогнать неподобающие мысли. Предполагаемая вдова Жюля не виновата в том, что у Паркера уже

больше месяца не было женщины.

Теперь, когда Жюля нет, родственники станут еще сильнее наседать на него, чтобы он женился. В мгновение ока, точнее, с одним выстрелом пистолета, убившего Жюля, Паркер стал старшим сыном.

Он сжал губы, в глазах зашипало. Жюль был первенцем, но именно Паркер всегда играл роль старшего брата. Может, если бы это было не так, может, если бы он не брал на себя всю ответственность или перестал раз за разом покрывать Жюля, как он всегда делал, брат сейчас не лежал бы в морге.

Поток машин двигался медленно, затем впереди туристический автобус съехал на обочину, чтобы подождать, когда пробка рассосется.

Паркеру не хотелось думать о брате как о мертвом, он предпочел бы помнить его таким, каким Жюль был в лучшие времена – до того, как стал уклоняться от своих обязанностей, до того, как наркотики, выпивка и сомнительные женщины окончательно затуманили ему мозги. Куда легче сосредоточить мысли на женщине, остававшейся в номере Жюля, и обратить весь свой гнев на нее, а не размышлять о том, что у Жюля в любом случае не оставалось шансов.

Бедняга Жюль.

Паркер знал наверняка только две вещи. Во-первых, что его брат мертв. Во-вторых, что три дня назад Жюль улетал в Лас-Вегас всего через несколько часов после того, как они с ним крупно поспорили. Тогда, в пылу ссоры, Жюль пригро-

зил, что пойдет на все, чтобы заставить Паркера согласиться на продажу «Понтье энтерпрайсиз».

Пойдет на все.

Паркер несколько раз прокрутил в уме эту фразу, потом спросил себя, что побудило Маргарет («Зовите меня Мэг, пожалуйста») выйти за мужчину, которого она едва знала. Деньги? Перспектива изменить свою жизнь к лучшему? Обещание роскоши? Красивое обручальное кольцо?

Представив себе ее руку, Паркер нахмурился. На пальце у Мэг была всего лишь простая золотая полоска. На ее тонких, изящных пальцах это кольцо выглядело слишком скромно и ничем не напоминало роскошные кольца, которые Жюль дарил своим предыдущим женам. Разумеется, все женщины, с которыми Паркер встречался, стремились любой ценой заполучить кольцо на палец, но ни одна из женщин его круга – или круга Жюля – не удовлетворилась бы такой дешевой. Может, Жюль пообещал очередной невесте фамильный перстень с бриллиантом и изумрудом, который в свое время любезно вернула сначала первая его жена, затем вторая? Наверняка он как-то обосновал свой выбор простого и дешевого временного кольца. Паркер не забыл, какое любопытство к семейной реликвии Понтье проявила его бывшая невеста. Во времена, когда Паркер, сам не понимая, как это вышло, оказался помолвленным с Рене Дюмон, Жюль развелся во второй раз и поклялся, что больше не женится. Вероятно, именно это обстоятельство заставило Рене поинтересовать-

ся, будет ли ей вручено знаменитое фамильное кольцо.

Паркер поморщился и пристроил свой «порше» в хвост за очередным туристическим автобусом, занявшим средний ряд. Ему было крайне неприятно вспоминать, как глупо он повел себя с Рене. Помолвка с ней – единственный поступок Паркера, одобренный его матерью. Уже одно это должно было вовремя насторожить его и предостеречь от совершаемой ошибки.

Рене и другие женщины из ее социального слоя – социального слоя Паркера, если уж быть точным, – как правило, имели высшее образование и престижную работу. Однако как только представлялась возможность и удавалось заполучить обручальное кольцо на палец, они с легкостью меняли деловые костюмы на наряды от дорогих модельеров и белые перчатки, а детей поручали заботам круглосуточных нянь.

Но Паркер не хотел связывать свою жизнь с женщиной, которая лишь играет роль жены и матери. Ему нужна женщина, которая, став женой и матерью, будет заниматься этим от души, а не только для вида. Мать Паркера, светскую даму, вопрос, не чувствуют ли себя ее дети обделенными любовью, волновал куда меньше, чем, к примеру, то, кто напишет семейный портрет. Поэтому Паркер дал себе зарок, что скорее останется холостяком, чем вступит в брак такого рода.

В последнее время он встречался с женщинами своего возраста или даже старше, уже достигшими карьерных высот. Но с этими возникала другая проблема: для них он сто-

ял на последнем месте в списке приоритетов.

— А ты, оказывается, жадный, — сказал Паркер вслух и улыбнулся. Это правда. Ему действительно нужно все: чтобы женщина любила его, и только его, ставила его во всем на первое место, но не требовала, чтобы он осел дома и вил семейное гнездо, полное детишек. Ему нужна такая женщина, которая не нагружала бы его непомерным количеством дел, мешающим при желании или по необходимости задержаться на работе. В свою очередь, Паркер инстинктивно чувствовал, что способен дать жене счастье, окружить любовью, даже боготворить ее. Весь жар души, который он вкладывал в работу, Паркер готов был перенести на женщину, которую полюбит.

Рене не понимала, почему он не откладывает дела, чтобы посещать вместе с ней многочисленные светские мероприятия, которые, как она заявляла, для мужчины его круга не менее важны, чем бизнес. Их последняя и окончательная ссора произошла из-за того, что Паркер забыл о своем обещании сопровождать Рене на бал-маскарад и уехал из города, чтобы решить кое-какие проблемы, возникшие на плантации сахарного тростника. Рене пришлось пойти одной, и она страшно разозлилась. На следующий день Паркер извинился, но Рене вернула ему кольцо, глядя на него с нескрываемой злобой в зеленых глазах.

Паркер все еще полагал, что ни Рене, ни все прочие просто не подходили ему, и, найдя соответствующую женщину,

он достигнет необходимого равновесия в жизни. В прошлом месяце ему даже казалось, что он нашел достойную кандидату. Люсиль достигла редких для женщины высот и занимала пост партнера-распорядителя в крупной адвокатской фирме – должность, на которую обычно принимают только мужчин, да и то не всяких, а из своих. Она работала чуть ли не по восемьдесят часов в неделю, но когда они с Паркером встречались за ленчем в будний день или обедали вместе в выходные, Люсиль не скрывала, что он интересуется ее как мужчина. После трехнедельного знакомства Паркер пригласил Люсиль в ресторан «Людовик XVI» во Французском квартале. Люсиль не сводила с него глаз, держала его за руку, терлась бедром о его бедро под столом. К тому времени, когда Паркер привез Люсиль к дому в микрорайоне Уотерхаус, где находилась ее квартира, он уже не сомневался, что этой ночью они займутся сексом. Презервативы он захватил с собой и был готов к бою.

Сейчас, сидя за рулем и вспоминая сцену, разыгравшуюся в квартире Люсиль, Паркер то стонал, то хохотал в голос.

На то, чтобы ее раздеть, ему потребовалось не больше нескольких минут. Он поднял Люсиль на руки и понес через стерильную гостиную, устланную белоснежным ковром. Она прижалась к его губам в нескончаемом поцелуе. Паркер поставил ее на пол возле кровати и взялся и за пряжку ремня, и за молнию на брюках. Люсиль лежала на кровати в трусиках, лифчике и нейлоновых чулках, доходивших только до бедер,

где их удерживали соблазнительные черные подвязки. Сняв брюки, Паркер стал расстегивать сорочку. Он очень давно не был с женщиной – потратил слишком много времени, пытаюсь найти идеал.

– Сладкий мой, – пропела Люсиль, лаская пальцами ноги его промежность, – прежде чем пойти дальше, мы должны кое-что сделать.

– Верно. – Паркер сунул руку в карман брюк и выудил презерватив. – Не беспокойся, мы защищены. – Он подмигнул и надорвал пакетик.

Люсиль села в кровати. Почему-то она вдруг стала гораздо больше походить на адвоката, выступающего в суде с пламенной речью, чем на страстную женщину, способную довести до неистовства в постели.

Люсиль протянула руку к тумбочке, открыла выдвижной ящик, достала из него какой-то листок и бросила Паркеру. Он наклонился и поднял бумагу.

– Что это?

– То, что ты должен подписать, прежде чем мы продолжим, – ответила Люсиль, шаря рукой в ящике. Наконец она нашла то, что искала, и протянула ему авторучку. – Думаю, тебя это не затруднит: ходят слухи, что во всем Новом Орлеане ты последний, кто согласится посадить себе на шею ребенка.

– Я должен прочесть и подписать? – В голосе Паркера прозвучали гневные нотки, но адвокатша, при всем ее уме и про-

ницательности, их не уловила.

Подавшись к Паркеру, она погладила его член через трусы и прошептала:

– Всего лишь распишись в знак того, что мы понимаем друг друга.

Ее рука была горячей, пальцы мяли его плоть жадно и со знанием дела. Паркер поморщился, смял листок и бросил его через плечо.

– Что ты делаешь?

– Кому нужны бумажки в такой момент?

Он наклонился и поцеловал ее ногу над краем чулка. Люсиль крепко обхватила его голову руками.

– Если ты не прочтешь и не подпишешь, тебе придется уйти.

«О Господи, – мысленно воскликнул тогда Паркер, – неужели она серьезно! »

– Ну хорошо, адвокат, почему бы вам не пересказать мне, о чем идет речь в этом документе? – Еще не закончив фразы, Паркер почувствовал, что его желание слабеет.

– Конечно, я могу пересказать, но расписаться ты должен сам. – Люсиль снова подалась вперед и обхватила его руками. Ее груди выпирали из кружевных чашечек бюстгальтера. – Условия очень простые, – прошептала она, – это освобождение от всех последствий, которые могут возникнуть вследствие нашего вступления в интимную близость.

– Например? Каких последствий?

Если бы Люсиль знала Паркера чуть получше, ее бы насторожили серьезные нотки в его голосе.

– Инфекционных заболеваний или беременности.

– Ты освобождаешь меня от ответственности в случае, если ты забеременеешь?

– Да, но что еще важнее, параграф второй пункт второй гарантирует мне единоличную опеку над ребенком, если он родится в результате нашей близости.

Паркер оттолкнул Люсиль, поднялся и посмотрел на нее сверху вниз. Ее влажные губы были полуоткрыты, зрачки расширились так, что зеленые глаза казались почти черными. Да, она хочет его, сомнений нет. Но разве нормальные женщины ведут себя так? Как ему только пришло в голову лечь с ней в постель!

– И ты думаешь, я это подпишу?

Люсиль облизнула губы и легла на спину. Ее полные груди дразнили его воображение.

– А почему бы и нет? Зачем известному трудоголику Понтье ребенок?

Паркер схватил брюки, натянул их и застегнул молнию. Он дышал учащенно, а член был тверже зеленого стебля сахарного тростника.

– Бэби, – сказал Паркер, – ты не настолько хорошо знаешь меня, чтобы я тебя трахал.

И он ушел.

После этой неудачи Паркер не был с женщиной – ни с вы-

сокообразованной карьеристкой, ни с какой-либо другой.

Стоит ли после этого удивляться, что он так остро отреагировал на красотку в номере Жюля. Когда Паркер вошел, она была почти полуголая. Перед тем как Мэг поспешно прикрылась какой-то тряпкой, а потом надела халат, Паркер мельком заметил тонкую шелковую комбинацию, едва достигающую до бедер.

«Да, только в этом все дело», – сказал себе Паркер, выезжая на круглую подъездную аллею к Понтье-Плейс, их фамильному особняку, выходящему на авеню Сент-Чарлз. С тех пор как Паркер переехал из дома, где провел детство, в свой собственный, никогда еще визит в родовое гнездо не страшил его так сильно, как предстоящий.

Быть может, именно поэтому, вылезая из «порше» и поднимаясь по ступеням парадного входа, он позволил темно-волосой красотке со стройными ножками снова проникнуть в его сознание и заполнить его целиком. Когда картинка оформилась отчетливо, Паркер понял, что вовсе не прочь меньше чем через час вернуться в отель и забрать женщину, которая вошла в жизнь семьи по воле его покойного брата.

Глава 3

Мэг стояла под навесом перед входом в отель «Морепа». Холодный ветер, трепавший бордовую ткань навеса, тянувшегося от дверей до тротуара, продувал легкое пальто насквозь, и ее била дрожь. А может, она дрожала вовсе не от холода? На свисток привратника подъехало такси, и Мэг двинулась к машине. Она решила одна предстать перед семейством Понтье, не дожидаясь Паркера.

Имя Понтье обладало почти магической силой, это интриговало и немного пугало Мэг. Собираясь позвонить из номера на регистрационную стойку и сообщить, что уезжает, она совершенно не представляла, что сказать по поводу расчета за номер. Но менеджер, который подошел к телефону, заверил Мэг, что ее багаж будет доставлен на дом и она может ни о чем не беспокоиться.

Привратник проинструктировал таксиста, что тому следует доставить пассажирку в Понтье-Плейс. Мэг улыбнулась, привратнику, дала ему чаевые из своего скудного запаса наличности и села в машину.

В такси было тепло, но Мэг все равно слегка дрожала – вот и ответ на один из ее многочисленных вопросов. Что ж, для любого актера естественно и даже полезно испытывать некоторый страх перед сценой.

Такси влилось в поток городского транспорта и вскоре

свернуло на широкую улицу, где разделительной линией служила широкая полоса зелени, расчерченная тропинками. Итак, дело сделано, она уже в пути – и без помощи Паркера Понтье. Паркер наверняка не придет в восторг, когда, вернувшись в отель, обнаружит, что ее нет. Ему, небось, еще не приходилось сталкиваться со случаями неповиновения.

– Так ему и надо, – пробормотала Мэг. По милости Паркера она чувствовала себя так, словно вошла в чужую шкуру, а в данный момент Мэг, как никогда, нуждалась в уверенности.

Сцепив холодные пальцы на коленях, она стала смотреть в окно. Такси с умеренной скоростью ехало по широкой улице с трехрядным движением. Мэг наклонилась вперед и спросила у таксиста:

– Почему посреди улицы идут железнодорожные рельсы?

– Это рельсы трамвая «Сент-Чарлз», – ответил таксист таким тоном, словно это все объясняло.

Как раз в это время такси остановилось на перекрестке у светофора, и мимо него с лязгом прогрохотал трамвай. Он тоже остановился у светофора, издав при этом звук, весьма напоминающий визг рассерженного попугая.

«Дети были бы счастливы прокатиться на таком трамвае», – подумала Мэг, испытав при этой мысли легкие угрызения совести. Она очень скучала по своим детям. До сих пор Мэг всего дважды расставалась с Тедди и Элен: в первый раз, когда лежала в больнице после рождения Саманты, а во

второй – прошлым летом, когда отправила их в летний лагерь. Первым и последним случаем, когда они с Тедом провели отпуск вдвоем, был их медовый месяц. А в последние два года перед смертью Тед вообще отказывался ехать в отпуск, заявляя, что слишком загружен работой.

Эти три дня показались Мэг целой вечностью. Загорелся зеленый свет, и такси и трамвай одновременно тронулись с места.

Мэг прикидывала, скоро ли ей удастся освободиться от Понтье. Миссис Феннистон, конечно, очень милая женщина, а для Мэг – просто спасительница, но даже святому придется не по вкусу, если ему повесят на шею чужих детей больше чем на три дня. Так что Мэг по мере возможности утешит мать Жюля, примет участие в церемонии похорон и поскорее уедет, чтобы никогда больше не встречаться с семейством Понтье.

Внимание Мэг привлекло внушительное трехэтажное кирпичное здание, царственно возвышающееся за узорчатой чугунной оградой. Черные ставни подчеркивали высоту окон, акцентировали внимание на строгих и изящных пропорциях всего здания и как бы направляли взгляд вверх, туда, где вздымался сияющий купол и колоколья.

– Какое величественное здание! Что это?

– Академия Святого сердца, – бросил через плечо водитель. Затем повернулся вполоборота и пояснил: – Те, у кого водятся деньжата, помещают сюда своих девочек.

– Так это школа для девочек? Таксист кивнул.

«В Лас-Вегасе точно не найдется ни одной школы, хотя бы отдаленно напоминающей эту!» – подумала Мэг. Она оглянулась и еще раз посмотрела на школу через заднее стекло такси. Пожалуй, Элен здание покажется слишком чинным, да и сорванец в юбке вроде нее сюда и не впишется, но вот Саманте эта школа определенно подошла бы. Мэг отчетливо представила себе, как хорошенькая Саманта неторопливо вышагивает в форменном платье по широким каменным ступеням. Мэг замотала головой: какие только мысли ей лезут в голову!

– Насколько я понимаю, вы не здешняя, – заметил таксист.

– Да, я приехала из Лас-Вегаса, – ответила Мэг, с восхищением разглядывая другое, не менее величественное здание из полированного серого гранита, занимающее почти целый квартал.

– Из Вегаса, говорите? Вы там тоже играете? Я-то сам люблю игральные автоматы, но в нашем городе с этим делом паршиво.

– Правда?

Мэг, выросшая в Лас-Вегасе, не понимала, почему муниципальные власти какого-то города не могут с пользой для себя выкачивать деньги из такой дойной коровы, как игровой бизнес. Впрочем, это не единственное, чего она была не в состоянии постичь: к примеру, как Тед ухитрился настолько запустить свои дела, что ей теперь угрожает банкротство.

У них была небольшая, но уютная квартирка с тремя спальнями, однако Теду она всегда казалась недостаточно хорошей. Мэг была вполне довольна жизнью, ей нравилось жить на тихой улице и ходить в гости к соседкам, пока дети играют со своими друзьями. Однако Тед стыдился их образа жизни и предпочитал встречаться с клиентами в ресторанах, а не в крошечной гостиной дома, захламленного игрушками.

Дела его фирмы по оказанию финансовых услуг шли весьма неплохо, но Тед мечтал о большем, о чем-то поистине масштабном, и эта мечта со временем превратилась в одержимость. Пытаясь заработать крупные деньги, он неудачно инвестировал средства и влез в долги, скрыв это от Мэг.

– Это все политика и жадность, – философски промолвил таксист, качая головой. – Богатые богатеют, а бедные беднеют, их просто надувают.

О бедных, которые становятся еще беднее, Мэг распространяться не хотелось: слишком уж близко эта тема касалась ее собственных жизненных обстоятельств. Она спросила, далеко ли еще до Понтье-Плейс. Они ехали уже так долго, что ее всерьез беспокоил вопрос платы за проезд.

– Чуть дальше Наполеона, но не доезжая Джефферсона, – загадочно ответил таксист.

– Как это понимать? Таксист усмехнулся.

– Извиняюсь, я забыл, что вы...

– ... не здешняя, – закончила за него Мэг.

– Остался один квартал, – пояснил он, сбавляя скорость.

Мэг посмотрела вперед и увидела на правой стороне улицы три одинаково внушительных здания. Интересно, которое из них Понтье-Плейс? По другую сторону улицы протянулся длинный особняк с широкими верандами и круглыми подъездными аллеями. Он занимал целый квартал.

– Это что, еще одна школа?

Таксист улыбнулся с таким видом, как будто пассажирка очень остроумно пошутила, затем сделал разворот на сто восемьдесят градусов и выехал на противоположную сторону улицы. Не успела Мэг сообразить, что происходит, такси проехало между двумя кирпичными столбиками, отмечающими въезд на подъездную аллею.

– Вот мы и прибыли, – сказал таксист.

– Так это... – Мэг сглотнула, – это и есть Понтье-Плейс?

– Во всяком случае, вчера был. И сегодня остался. И если верить тому, что говорят об этой семье, то останется им и завтра.

Водитель кивнул, затормозил перед входом и выключил счетчик. Мэг полезла в сумочку и все еще рылась в ней, когда дверца с ее стороны открылась. Она подняла голову и увидела пожилого негра в белом двубортном пиджаке и серых брюках. Негр протягивал ей руку, затянутую в белую перчатку. Мэг покосилась на таксиста, затем снова посмотрела на негра и в конце концов решила, что сначала выйдет из такси, а уж потом расплатится. Выжидательная поза человека в белом пиджаке встревожила Мэг. Она вдруг поняла, что он

ждет, когда она позволит ему взять все заботы на себя.

Опершись на руку теперь уже улыбающегося негра, Мэг вышла из машины.

– Мне нужно расплатиться с таксистом.

– Проходите в дом, миссис Понтье, я обо всем позабочусь.

– О, я не... – Мэг немного смутилась, – зовите меня Мэг, пожалуйста.

Негр кивнул:

– Очень хорошо, миссис Мэг. Меня зовут Хортон.

Как поняла Мэг, работа Хортона в том и заключалась, чтобы обо всем позаботиться. Мэг стала подниматься по широким ступеням, ведущим к дверям самого большого дома, какой она когда-либо имела честь посетить.

Имела честь?

Мэг поежилась, потеряла руки, потом спрятала их в карманы пальто. Кто бы в этом доме ни жил, он с первого взгляда на нее поймет: Жюль не мог всерьез думать о том, чтобы жениться на ней. Даже сиротский приют, где Мэг провела первые годы своей жизни, и тот был гораздо меньше, чем Понтье-Плейс.

Двойные французские двери распахнулись. Мэг, поднимавшаяся только до середины лестницы, остановилась и посмотрела, кто вышел ей навстречу. После знакомства с Хортоном она не удивилась бы, обнаружив в дверях присевшую в реверансе горничную в униформе. Однако ее встречала не горничная. Мэг уперлась взглядом прямо в не предвещающие

ничего хорошего темные глаза Паркера Понтье.

Выходя из дверей, Паркер меньше всего рассчитывал встретить на ступенях фамильного особняка вдовушку Жюля. Он уже стоически вытерпел соболезнования одной двоюродной бабушки, одной кузины, друга детства покойного, Кинки де Ласалья и доктора Прежана. Вся эта компания собралась сейчас в Большой гостиной. Именно поэтому Паркер с нетерпением ждал момента, чтобы под благовидным предлогом забрать из отеля «Морепа» овдовевшую миссис Понтье и удрать из дома. Теперь, когда вдовушка явилась сюда сама, он оказался в ловушке. Паркер недовольно нахмурился.

— Похоже, вы не очень-то рады видеть меня? Проигнорировав замечание Мэг, Паркер посмотрел мимо нее на Хортон. Расплатившись с таксистом, пожилой негр медленно двинулся к лестнице. Хортон никогда не торопился.

Паркер обратился к Мэг:

— Не сомневаюсь, именно поэтому вы и решили взять такси.

Какая досада! Паркер подумал, что, к сожалению, эта женщина вызывает у него не только досаду. Да, она упрямая, но и мужественная. И умная. И привлекательная. Мэг слегка наклонилась вперед, и, даже скрытая под пальто, ее великолепная фигура снова привлекла его внимание. Темные глаза Мэг сверкнули: она посмотрела на Паркера с вызовом, словно подзадоривая его и дальше разглядывать ее. Обуздав свое воображение и овладев собой, Паркер сообразил, что стоит

в дверях, загораживая проход.

Хортон к тому времени уже поднялся по лестнице и терпеливо ждал, однако вежливое выражение его лица таило в себе легкий намек на недовольство. В присутствии Хортона, служившего в семье много лет и выполнявшего обязанности дворецкого, эконома и суррогатного отца, даже Жюль следил за своими манерами.

Под бдительным взглядом Хортона Паркер отодвинулся и открыл дверь шире.

– Добро пожаловать в дом Жюля, – сказал он, чувствуя, как слова застревают в горле, однако заслужил от Хортона одобрителный кивок.

Мэг посмотрела на него широко раскрытыми глазами с некоторой опаской, но все же прошла впереди него в вестибюль.

– Вы могли бы дождаться меня, – тихо заметил Паркер. Мэг метнула на него взгляд, свидетельствующий о том, что она в состоянии за себя постоять.

– Не в моих привычках дожидаться человека, оскорбляющего меня.

Паркер вскинул брови. Да, она действительно способна за себя постоять.

– Позвольте принять у вас пальто, миссис Мэг!

Она улыбнулась и стала снимать пальто, которое явно не могло защитить ее от ветра даже в этот не слишком холодный декабрьский день.

– Я сам. – Паркер подхватил пальто, когда оно соскользнуло с ее плеч.

Он представил себе, как вслед за пальто снимает с Мэг всю остальную одежду, но тут же усилием воли отогнал опасную картину, нарисованную воображением.

Вместо того чтобы поблагодарить Паркера, Мэг с искренней теплотой улыбнулась Хортону. Тот кивнул, забрал у Паркера пальто и отошел в сторону. Паркер отметил, что она одарила дворецкого совсем другой улыбкой, чем та, которая досталась ему. В улыбке, обращенной к нему, таился вызов, Мэг словно говорила: «Вы меня не поймаете на фальши, и, кстати, вы мне тоже не очень-то нравитесь».

Паркера кольнула уязвленная гордость. Вот если бы Мэг улыбнулась и ему такой же улыбкой – теплой, искренней, в которой мужчине хочется утонуть.

– Ну что, может, заключим перемирие? – мягко спросил он.

Мэг посмотрела на него, потом огляделась:

– Я над этим подумаю.

Паркер отметил, что, на этот раз ее голос прозвучал не так резко, и улыбнулся:

– Ладно.

Мэг прошла из вестибюля бокового входа в центральную ротонду.

– Это не дом, а настоящий музей!

Паркер поднялся по трем широким ступеням, ведущим из

входной зоны в центр первого этажа дома – в ротонду, откуда можно было двигаться в любом направлении и попасть во все главные комнаты первого этажа.

Паркер, пожалуй, мог бы согласиться, что дом напоминает музей, но поскольку вырос в этом доме и не раз играл в прятки или в войну, лавируя между позолоченными стульями с зеленой бархатной обивкой, письменным столом девятнадцатого века и старинным глобусом – это если упомянуть лишь немногие из предметов антиквариата, захламляющих центральную ротонду, – он как-то не очень задумывался о его убранстве. И о том, какое впечатление дом производит на человека со стороны. Но глаза Мэг расширились еще больше, и Паркер осознал так ясно, словно она сказала ему об этом, что его новая родственница почти ничего не знала о том, какую жизнь вел тот, за кого она вышла замуж.

Жюль наверняка рассказал ей о Понтье-Плейс. Самому Паркеру куда больше нравился другой семейный особняк, Шугэ-Бридж, расположенный в сельской местности, а не этот претенциозный, созданный в соответствии со вкусами Тинси дворец, где все было сделано напоказ.

Даже при том, что Жюль протестовал против ограничений, которые накладывала на него жизнь в Понтье-Плейс, сбегал из дома в номер-люкс, который постоянно снимал в отеле «Морепа», что он пытался по мере возможности не появляться на семейных сборищах, проходивших в этом доме, любимой женщине он обязательно рассказал бы о Пон-

тье-Плейс.

С точки зрения самого Жюля, в его жизни смешались любовь и ненависть, и ни в чем это не проявлялось так ясно, как в отношениях с родственниками.

Если учесть обстоятельства смерти их отца (он утонул, когда перевернулась яхта, на которой он катался с очередной любовницей) и то, что Тинси потакала каждой прихоти Жюля и цеплялась за него еще сильнее, Паркер бы очень удивился, если бы семья не наложила жесткие ограничения на поступки Жюля или его реакции. Радуюсь, что ему как второму ребенку родители уделяют гораздо меньше внимания, Паркер имел возможность наблюдать, как старший брат все больше уступает собственной растерянности и враждебности по отношению к родственникам – враждебности, которая по силе могла сравниться только с его, казалось, непреодолимой потребностью в них же.

Хортон унес пальто Мэг, обращаясь с ним так бережно, словно оно было сшито из шелка или меха горностая, а не из дешевой полусинтетики.

Мэг посмотрела мимо Паркера на свое удаляющееся пальто с таким видом, как будто от нее уводят единственного на всем белом свете друга. Этот печальный взгляд озадачил Паркера, и он подумал, что, возможно, стоит быть с ней поласковее. Она явно чувствует себя не в своей тарелке, а ведь они еще и шагу не сделали в Большую гостиную.

Губы Мэг слегка приоткрылись, она разжала пальцы и ле-

гонько провела рукой по спинке одного из позолоченных стульев. Паркеру понравилось, как она неосознанно поглаживает тонкими пальцами ткань, словно пытаясь понять на ощупь ее природу.

Паркер помнил свои ощущения, когда в отеле Мэг накрыла его руку своей. Она предложила ему утешение, а он оттолкнул ее. Глядя, как Мэг поглаживает стул, Паркер вдруг представил, как ее руки скользят по его телу, двигаются вверх по лодыжкам, по бедрам и обхватывают ту часть его тела, которая наливалась желанием при одной только мысли о прикосновении этой женщины.

Наверное, он сошел с ума! Мало того, что он совсем не знает ее, того, что он все-таки знает, достаточно, чтобы ей не доверять.

Но в движениях рук Мэг Паркер угадывал нежность, и это вселяло в него надежду. И возбуждало. Даже слишком. Нужно немедленно прекратить думать о вдове Жюля в таком ключе! Чтобы хоть чем-то отвлечься, Паркер стал восстанавливать в памяти историю этого конкретного стула.

Его мать несколько недель распространялась о своей замечательной находке. Стул идеально подходил к письменному столу в стиле короля Георга, и Тинси была очень довольна собой, когда ей удалось откопать его в одном из захолустных антикварных магазинчиков в Чарлстоне. После той удачной покупки она целых пять недель обходилась без услуг доктора Прежана. Паркеру тогда было семнадцать, но и сейчас, в

свои тридцать пять, он прекрасно помнил тот период, когда жизнь его матери напоминала катание на американских горках.

– Какой красивый стул, – промолвила Мэг, глядя закругленный край спинки.

– Скажите это Тинси, – Паркер сам удивился, что его голос прозвучал почти спокойно, – и вы навек обретете в ней друга.

– Вы что, так и зовете свою мать? То есть, я хочу сказать, в лицо?

Мэг убрала руку со стула. Паркеру хотелось, чтобы она продолжала гладить бархат обивки, но, поймав себя на этой мысли, он нахмурился: для его же блага лучше, чтобы Мэг не возобновляла это чувственное движение.

– Ее все зовут Тинси, – отрывисто бросил Паркер.

– Ну и пусть, а я не собираюсь.

– Как хотите. – Паркер указал на двойной арочный проход. – Все уже собрались в Большой гостиной, может, пройдем к ним? Они хотят выразить вам свои соболезнования.

– Все?

Паркер уловил в ее голосе тревогу и с удивлением обнаружил в себе сочувственный отклик.

– Не волнуйтесь, собрались в основном родственники. Вы ведь вышли за моего брата, миссис Понтье, – Паркер подчеркнул голосом последнее слово, – разве вам не интересно побольше узнать о жизни, которую он вел? В конце концов,

теперь это и ваша жизнь.

Говоря, Паркер подходил все ближе, и сейчас он почти навис над Мэг. Ее вздымающаяся роскошная грудь, даже скрытая довольно скромным жакетом, вызывала у Паркера мысли, на которые он не имел права.

– Уф... – пробормотал он.

Мэг закрыла глаза. Паркер приподнял ее голову за подбородок.

– Посмотрите на меня. – Он дождался, пока она откроет глаза, и заглянул в их голубую глубину. – Не знаю, в какую игру вы играете, но Жюль был моим братом...

Мэг резко отстранилась от него.

– Похоже, вы не слишком хорошо знали своего брата?

– Почему вы так решили? – спросил Паркер, отдавая, однако, должное ее проницательности.

Его скорбь была порождена скорее чувством вины, нежели искренним ощущением потери. Они никогда не были близки, в сущности, не имели ничего общего, кроме семьи, удерживающей своих членов вместе, прежде всего как деловых партнеров. Но даже в том, что касается бизнеса, братья спорили по любому вопросу.

Паркер снова вспомнил, как за несколько часов до своего отъезда в Вегас Жюль угрожал, что пойдет на все, лишь бы заблокировать предложения брата по расширению семейной сахарной империи. Жюль не только не поддерживал планы расширения, он пытался заставить Паркера принять пред-

ложение мультинациональной корпорации о выкупе фирмы, голосование по которому должно было состояться на этой неделе. Из-за смерти Жюля собрание, конечно, будет отложено.

Помнится, тогда, в пылу спора, Паркер заявил, что фирму продадут только через его труп. Но вышло так, что сейчас в морге лежит не его труп, а Жюля.

Мэг ткнула его пальцем в грудь.

– Я почти уверена, что вы пытались запугать его точно так же, как сейчас запугиваете меня. Я угадала?

Паркер не ответил, он лихорадочно размышлял, обдумывая угрозы Жюля. Может, поступить на юридический факультет университета Тулейна¹ ему помогли не столько способности, сколько влияние семьи, пусть так, но науку, которую там преподавали, он усвоил неплохо. А после двух браков Жюль прекрасно уяснил довольно специфические правила, действующие в семейной корпорации Понтье и касающиеся долей акций, принадлежащих супругам. Паркер перехватил ее руку.

– Вы вышли за Жюля не по любви, верно?

– Я н-не знаю, на что вы намекаете.

Паркер прищурился. Будь она чиста, куда естественнее прозвучал бы полный негодования ответ типа: «Конечно, я любила его и до сих пор люблю».

– Вы заключили какую-то сделку. Признавайтесь, где и ко-

---

¹ Частный университет, самое известное учебное заведение Нового Орлеана

гда Жюль вас нанял. Кувыркаясь между простынями в постели в номере отеля «Ранчо Мустанг»?

Паркер не успел и глазом моргнуть, как Мэг вырвала у него руку и залепила ему звонкую пощечину, причем не один раз, а дважды.

– О-о, Паркер, это ты? – тонкий голос предшествовал тихому шороху шагов по мраморному полу.

Паркер оглянулся, держась одной рукой за пылающую щеку.

– Ти-инси, – протянул он, – позволь тебе представить... – Паркер пригвоздил вдову и соучастницу своего брата к месту взглядом, который говорил, что она еще ответит за свой поступок, – новобрачную Жюля.

Глава 4

Новобрачная Жюля.

Мэг побледнела и сглотнула слюну. Худенькая женщина, которая приближалась к ней, томно протягивая холеную руку, формально считается ее свекровью.

– Как поживаете, миссис Понтье?

К изумлению Мэг, миниатюрная брюнетка разразилась смехом, который не был ни мелодичным, ни веселым.

– Никто, слышите, никто меня так не называет!

Вот как. Попытайся еще раз, Мэг. Она кивнула, быстро соображая, потом решила, что безопаснее обойтись вообще без имени, и сказала:

– Рада с вами познакомиться.

– Так-то лучше, дорогая, – констатировала ее свекровь. – Терпеть не могу, когда мне напоминают, что я была замужем за отцом... – ее голос сорвался, из груди вырвался всхлип, – ... Жюля.

Мэг, сама того не сознавая, оглянулась на Паркера. Он молча, без улыбки наблюдал за матерью взглядом, каким велосипедист наблюдает за гремучей змеей, спящей на дороге перед ним. Бр-р. Мэг потупилась и уставилась в мраморный пол. Его гладко отполированная поверхность в красивых прожилках была твердой, но Мэг казалось, будто она ступила на зыбучие пески.

Вспомнив телефонный разговор с доктором Прежаном, Мэг решила, что лучше во всем потакать этой женщине и обойтись без споров. В конце концов, скоро она будет уже на пути домой, и все сложности, касающиеся клана Понтье, останутся позади.

Тинси расплакалась, и Мэг поняла, что, какой бы несурной ни казалась эта женщина, сына она любила. В ней проснулась материнская солидарность.

– Прошу вас, если я могу как-то облегчить боль вашей потери, – промолвила Мэг, поглаживая дряблую руку с безукоризненным маникюром, – только дайте мне знать.

Тинси вздохнула и сжала руку Мэг.

– Просто я о-очень... – мать Жюль ухитрилась произнести короткое слово так, как будто в нем было по меньшей мере четыре слога, – рада, что Жюль нашел свою любовь в последние часы пребывания на этой грешной земле. О-о-о, – и снова она сумела растянуть этот звук так, как умеют тянуть только опытные певцы с хорошо поставленным дыханием или йоги, – для меня такое утешение сознавать, что перед своей безвременной кончиной Жюль успел соединиться с родственной душой!

Мэг закрыла глаза и провела свободной рукой по лицу. Она не смела взглянуть ни на Тинси, ни на Паркера, но у нее возникло стойкое ощущение, что весьма скептически настроенный младший брат сверлит ее взглядом, пытаясь прочесть мысли. Что касается Тинси, то Мэг не смогла бы жить в мире

с самой собой, если бы сейчас добила несчастную женщину, открыв ей правду о своем скоротечном браке.

Господи, что же она натворила?!

Тинси не дала ей времени обдумать ответ на этот крайне серьезный вопрос. Она взяла Мэг под руку, чмокнула в щеку и, вдруг хихикнув, сказала:

– Вы выглядите недостаточно взрослой, чтобы быть женой моего мальчика.

На последнем слове ее голос сорвался, и она разрыдалась. Как-то само собой получилось, что Мэг обняла рыдающую свекровь.

– Ну, ну, – приговаривала Мэг, глядя Тинси по коротко стриженным темным волосам, – поплачьте, в этом нет ничего плохого. Я и сама плакала.

– Он больше не вернется! – рыдая, воскликнула Тинси и еще сильнее ухватилась за руку Мэг.

Мэг посмотрела на женщину, вцепившуюся в нее мертвой хваткой, потом услышала позади себя какое-то движение и быстро оглянулась. Паркер стоял на месте, глядя на двух женщин, но было ясно, что он собрался сбежать.

– Не уходите, – беззвучно произнесла Мэг одними губами, все еще глядя Тинси по голове и по спине теми же успокаивающими движениями, какими обычно гладила Тедди, Элен и Саманту, когда кто-то из них заболел или просто не мог заснуть.

Паркер посмотрел ей в глаза, быстро взглянул на мать, по-

том снова встретился взглядом с Мэг, пожал плечами и сказал:

– Тинси, гости тебя заждались.

Надо же сказать такую глупость! Мэг метнула сердитый взгляд на Паркера, раздраженная еще и тем, что он говорит с рыдающей матерью диктаторским тоном. Впрочем, если начистоту, она испытывала противоречивые чувства – одновременно возмущение и восхищение, потому что его метод отлично сработал. Тинси промокнула глаза (каким-то чудом ни тушь на ресницах, ни тени нисколько не пострадали от потоков слез), выпрямилась и похлопала Мэг по руке.

– Рада с вами познакомиться, мисс... – Тинси с отсутствующим видом улыбнулась Мэг и обратилась к Паркеру: – Они в Большой гостиной?

– Да. – Поколебавшись, Паркер добавил: – Тинси, ты собираешься представить гостей вдове Жюля?

– О да, конечно.

Она улыбнулась так ослепительно, что Мэг снова кольнуло сочувствие к женщине, недавно потерявшей сына. И все же, даже понимая тяжесть ее утраты, Мэг чувствовала, что в Тинси что-то не так. Муж Мэг умер молодым и оставил ее без гроша, но он по крайней мере не был сумасшедшим! Эта же семья явно представляла собой клинический случай. Мать Жюля снова взяла Мэг за руку. На этот раз они миновали ротонду и вышли в арочный проход с противоположной стороны. Из комнаты, куда они направлялись, доно-

сились голоса, смесь низких, басовитых, и высоких, почти писклявых, но их громкость скорее наводила на мысль о собрании родительского комитета, чем о встрече родственников по случаю смерти одного из членов семьи.

Что ж, возможно, в Новом Орлеане все по-другому. Во всяком случае, Тинси ничуть не похожа на такую мать, какую представляла себе Мэг все годы своего сиротского детства. Бывало, после того как все девочки в общей спальне засыпали, она долго лежала без сна, сочиняя разные истории про мать и отца, которые очень, очень хотели, но по каким-то причинам не смогли оставить ее у себя. Но даже самый буйный полет фантазии не мог породить в воображении Мэг родительницу, похожую на Тинси.

Ее воображаемая мать никогда не носила дорогих трикотажных костюмов с такими пуговицами, что, кажется, каждая из них стоит не меньше самого костюма. У ее воображаемой матери не было тела, словно созданного в лаборатории. Не было у нее и таких угольно-черных волос, и такой безупречной кожи цвета слоновой кости, без единого пятнышка – и это в пятьдесят с лишним лет! Даже в самых диких фантазиях Мэг не приходило в голову, что к ее воображаемой матери единственный оставшийся в живых сын обращается по имени. Впрочем, тогда Мэг не могла предположить и другого: что ради тридцати тысяч долларов она выйдет замуж за сына такой женщины. Эта мысль отрезвила Мэг, и она посмотрела на Тинси уже более сочувственно. Кто спо-

собен предсказать, как поведет себя женщина, оказавшись в критической ситуации?

Тинси остановилась, не дойдя одного-двух футов до двери, из-за которой доносились голоса, повернулась к Мэг и тихо спросила:

– Скажите, он умер счастливым?

Вопрос, заданный Тинси, тронул материнское сердце Мэг. Утешить женщину было в ее власти, и она ответила:

– О да.

Мэг слышала, как Паркер резко втянул воздух. Поняв, о чем он подумал, она густо покраснела. Паркер решил, что Жюль незадолго до смерти переспал с ней. Ну что ж, пусть думает, что хочет. С него не мешает немного сбить спесь, пусть считает, что Жюлю досталось нечто такое, чего ему, Паркеру, никогда не получить.

Мэг напомнила себе, что пришла сюда помочь Тинси. Схватив женщину за руку, она с чувством повторила:

– Уверяю вас, он был счастлив.

Тинси впилась в Мэг взглядом зеленых глаз, медленно подняла руку и стерла пальцем чуть размазавшуюся помаду в уголке ее губ.

– В таком случае спасибо вам. Хотя вы сделали все не так, как полагается, я прощаю вас, – независимо от того, кто бы что ни говорил об этом, к сожалению, весьма поспешном браке.

Прежде чем Мэг нашлась с ответом, Тинси шагнула в ком-

нату. На ее лице, избавленном от малейших изъянов хорошей подтяжкой и безукоризненным макияжем, снова засияла ослепительная улыбка.

– Дорогие мои, – сказала Тянси, – я рада, что вы пришли.

Скрывалось ли за ее словами некое тайное знание, которое может уловить только мать? Или Тинси заботили только светские условности? Мэг очень хотелось бы понять, почему мать Жюля выбрала именно эти слова, но она не успела как следует об этом подумать, окунувшись в многоголосый шум: все гости заговорили разом. Чтобы совсем не потеряться в этом шуме, Мэг оглянулась и со странным чувством осознала, что ищет взглядом Паркера. Его присутствие почему-то успокаивало ее.

Пожимая руку Амелии Энн, первой, кого Тинси представила ей, женщине лет сорока с небольшим, с мягким негромким голосом, Мэг все еще переваривала это открытие. Рассудок решительно отказывался признавать его. С какой стати она ищет успокоение в человеке, оскорбившем ее, пытавшемся не подпустить к Тинси, в том, кому Жюль не доверял?

Мэг оказалась в объятиях негнущихся рук дородной седой женщины, тихо произнесшей несколько вежливых сочувственных фраз. «Уж лучше быть припертой к шкафу братом Жюля!» – заключила Мэг, когда женщина расцепила руки и отошла от нее со строгим выражением лица. Не переставая удивляться причудливому повороту собственных мыслей, Мэг старалась сохранять непроницаемо-вежливое вы-

ражение лица и постоянно напоминала себе, что должна играть роль скорбящей вдовы.

Однако вопреки соболезнованиям, звучащим со всех сторон, Мэг поймала себя на мысли, что очень мало думает о Жюле и много – слишком много – о его живом, здоровом и весьма высокомерном брате.

Решив остаться посмотреть представление, Паркер приклонился к стене перед одним из двух мраморных каминов и мысленно поблагодарил Хортон за то, что тот, несмотря на холод, не велел их растопить. Ему было и без того тепло, и он не мог бы с уверенностью сказать, насколько в этом повинна женщина, стоящая сейчас в центре комнаты.

Нужно отдать Мэг должное: принимая приветствия и соболезнования от незнакомых людей, разглядывающих ее с едва скрытым любопытством, она держалась с достоинством, не мямлила, не заикалась, не заискивала и не пыталась удрать. Ни одного из членов своей семьи Паркер не называл бы ни милым, ни душевным. Тетя Матильда, старшая сестра отца, вообще заранее презирала всякого, кто родился западнее Кэнел-стрит, – что уж говорить о приезжей родом из Лас-Вегаса. Тетка Паркера разглядывала Мэг через крошечные очки, которые носила на серебряной цепочке.

Мэг и глазом не моргнув в упор посмотрела на нее:
– Какое красивое пенсне.

Уголки тонких губ Матильды, сжатых в жесткую складку, чуть приподнялись.

– Вы очень любезны.

Глухо стукнув тростью по полу, она вернулась на свое место возле камина – не того, у которого стоял Паркер, а расположенного напротив.

Тинси вздохнула, нервно теребя руки:

– Вы можете заодно познакомиться и с Кинки².

Все-таки ее пробрало! Паркер чуть не рассмеялся, заметив, как на лице Мэг промелькнуло ошеломленное выражение. Какой же странной ей, должно быть, кажется вся эта компания. Сменив банный халат с эмблемой отеля «Морепа» на скромный костюм, Мэг выглядела типичной среднестатистической американкой. Она наверняка выросла в скромном домике, в семье, где отец работал с девяти до пяти, а мать готовила еду, наводила чистоту и на ночь читала Мэг и ее братьям и сестрам книжки.

Как же ее угораздило выйти за Жюля?

Паркер нахмурился, наблюдая, как Кинкейд де Ласалль, или Кинки, друг детства и «дурная компания» его брата, вскочил с дивана и быстро поклонился Мэг.

– Если вы были другом Жюля, – сказал он, встряхнув головой и отбросив назад вечно падающие на лоб волосы, – то можете звать меня Кинки. Если нет, то мое имя Кинкейд.

– Меня зовут Маргарет, но зовите меня Мэг, пожалуйста. – Понизив голос, Мэг добавила: – Что вы хотели сказать этим «если вы были другом»? Довольно странно слышать та-

---

² Kinky – порочный (англ.).

кие слова по отношению к... – Мэг запнулась, потом закончила: – вдове.

Кинки изогнул одну бровь – жест, которым он славился.

– По-видимому, вы не были знакомы со своими предшественницами.

– Предшественницами?..

Мэг запнулась, и потрясенный Паркер вдруг понял: она понятия не имеет, что Жюль уже был женат, причем не один раз, а дважды.

Кинки повторил фокус с бровью.

– Ну, не переживайте, вы еще будете иметь удовольствие с ними познакомиться. Что ж, надеюсь, Жюль обрел счастье в свои последние дни.

Кинки смотрел на Мэг плотоядным взглядом. Паркеру даже захотелось подойти к Мэг и встать рядом, чтобы в некотором роде предложить ей защиту, но он сдержался. Мэг вполне способна сама о себе позаботиться. Паркер потер щеку, на которой еще горел след от ее пощечины.

– Если вам понадобится человек, который утешил бы вас... – Кинки наклонился вперед и взял обе руки Мэг в свои, – просто позвоните старине Кинки. – Намек был совершенно ясен.

Мэг освободила руки.

– Примите мои соболезнования по случаю кончины друга. Должно быть, вы очень скорбите.

– Кинки покачал головой. – Я всегда говорил, что лучше

жить на всю катушку и умереть молодым.

Мэг нахмурилась.

Тинси всплеснула руками.

– Кинки, прошу тебя, сядь на место и веди себя прилично. – Затем с таким видом, словно произнесение этих слов потребовало от нее непосильного напряжения, добавила: – Мне необходимо выпить.

Она отошла к бару, оборудованному в дальней части комнаты, и стала готовить себе бурбон с водой.

Паркер покачал головой.

Теперь Мэг стояла одна в центре восточного ковра. Тетя Матильда призвала свою дочь, Амелию Энн, к себе, Кинки присоединился к Тинси возле бара. Изольда, шестнадцатилетняя дочка Амелии Энн, даже не потрудились подняться с кресла, где сидела, поджав под себя ноги и уткнувшись носом в книгу, ее уши были закрыты наушниками плеера.

Мэг повернулась вполоборота и быстро взглянула на Паркера. В короткое мгновение он успел разглядеть на ее лице признаки уязвимости, которой она до сих пор не проявляла. В эту минуту Мэг меньше всего походила на Даниила в пещере льва. Паркер почувствовал, что его сердце снова смягчается по отношению к Мэг. Может, она все-таки вышла за Жюля по любви, пусть поспешно, но из чистых побуждений?

«Но в таком случае где слезы? – спросил себя Паркер. – Почему в отеле, когда я сообщил ей новость, она не плакала?» Да, Мэг была потрясена, но Паркер готов был поспо-

рить на месячное жалованье, что в тот момент она думала о собственном благополучии.

Мэг сделала шаг в сторону Паркера. Но, вероятно, его мысли как-то отразились на лице, потому что она остановилась и посмотрела на него вопросительно. Паркер, всегда гордившийся своей способностью сохранять непроницаемое выражение лица игрока, в покер, принужденно улыбнулся и решил подыграть ей. Он оттолкнулся от стены и зашагал к Мэг. Однако вместо облегчения Паркер увидел на лице Мэг признаки волнения. «Тем лучше, пусть немного потрепыхается», – подумал он.

Едва Паркер подошел к Мэг, как в гостиной прогремел голос доктора Прежана:

– А, вот вы где!

Все головы повернулись к двери. В дверном проеме стоял, потирая руки, доктор Прежан, один из наименее симпатичных Паркеру людей. Он надул толстые губы, накладная из искусственных волос слегка съехала с макушки набок, козлиная бородка торчала почти горизонтально вперед, на выпученных глазах поблескивали круглые очки без оправы. Из кармана пальто выглядывала трубка, из чего Паркер заключил, что доктор выходил покурить.

– Тинси, непослушная вы пациентка, почему бы вам не посидеть спокойно? – сказал Прежан, входя в гостиную.

Поскольку Тинси не сдвинулась со своего места возле бара, доктор сначала оказался возле Мэг и Паркера, только что

подошедшего к ней.

Доктор помедлил, покачался на пятках, и Мэг отметила, что ступни у него слишком маленькие для его роста. Мало того, что этот человек превратил жизнь Паркера в кошмар, пытаясь лечить его от болезни, которой – Паркер знал это точно – у него отродясь не бывало. Паркер вообще на дух не переносил таких претенциозных субъектов, как доктор Прежан. Этот человек прицепился к Тинси много лет назад и почти не принимал никаких других пациентов, кроме знакомых Тинси.

Доктор Прежан протянул вперед руки и взял руку Мэг своими толстыми лапищами.

– Должно быть, вы вдова Жюля. – Он поцокал языком, что особенно подействовало на нервы и без того уже раздраженному Паркеру.

– Мне больше нравится думать о себе как о молодой жене, – возразила Мэг.

Паркер вскинул брови. Дело принимает интересный оборот. Очевидно, роковая соблазнительница из Лас-Вегаса очень быстро учится, и ей тоже нет дела до доброго доктора.

– О, конечно. – Доктор похлопал ее по руке. – Какая тяжелая потеря! Жюль был так молод, в самом расцвете лет. Его отняла у нас трагедия, которая надолго останется в анналах истории этого города, изобилующей страшными преступлениями.

Мэг вытянула свою руку из лап доктора.

– А я думала, что он погиб, пытаюсь добыть кокаин.

Все разговоры в комнате разом стихли. Никто не издал ни звука, но все взоры как по команде обратились к Мэг.

Паркеру стоило большого труда сдержать улыбку. Никто, ни один человек в этой комнате не согласился бы публично признать, что Жюль сам навлек на себя неприятности, закончившиеся его смертью. Все остальные лишь приглушенными голосами выражали сочувствие Тинси и другим членам семьи и предпочитали отделяться банальностями, общими словами. Чужак, который вдруг заявил, что король голый, и не попытался прикрыть сей факт подобающей словесной шелухой, поверг всех их в шок.

Разумеется, его родственничкам палец в рот не клади, они могли бы проглотить Мэг на завтрак, но Паркер понял, что Мэг принесла с собой в дом нечто освежающее. Если бы кто-то когда-то на протяжении жизни Жюля решился поговорить с ним напрямик, может, он не лежал бы сейчас в морге с пулей из полицейского пистолета в груди.

В порыве праведного материнского гнева, забыв о выпивке, Тинси бросилась к Мэг.

– Как вы смеете говорить такое! – Она подошла к Мэг почти вплотную и ткнула в нее пальцем. – Мой мальчик стал жертвой, он не совершил ничего такого, что могло бы навлечь на него неприятности. Не знаю, что вы о себе воображаете, но вы здесь нежеланная гостья. Собирайте свои вещи и убирайтесь отсюда! – Тинси топнула ногой и сердито по-

смотрела на Паркера. — Ты принеси ее пальто и вызови для нее такси. Или вели Хортону заняться этим.

Тинси разразилась рыданиями. К ней тут же подошел доктор Прежан, обнял за плечи и стал бормотать какие-то слова утешения.

Паркер не двинулся с места, Мэг тоже. Затем она повернулась к нему и произнесла вполголоса:

— Вы что, придумали всю эту историю сами?

В ее больших, широко раскрытых глазах блестели непролитые слезы.

Паркер покачал головой:

— Нет, я сказал вам правду. Она посмотрела на остальных:

— Я вдова Жюля и никуда не уйду.

Тетя Матильда подняла пенсне и уставилась на Мэг с таким видом, будто увидела на канделябре таракана. Амелия Энн поспешила ретироваться и села в кресло напротив дочери. Изольда даже не оторвала глаз от книги. У Кинки был такой вид, словно происходящее его в высшей степени забавляло, но он явно собирался при первой же возможности удрать и вернуться к занятиям поинтереснее — Бог его знает, чем уж он там интересуется. Тинси, спрятавшая лицо на груди доктора Прежана, подняла голову и дрожащим голосом проговорила:

— Я прошу вас уйти!

Мэг посмотрела сначала на свекровь, затем снова на Паркера. Паркер отрицательно замотал головой, сам удивляясь,

с какой стати он это делает.

– Разумеется, она никуда не уйдет!

Все снова повернулись к дверям. В арочном дверном проеме появилась современная, хорошо оснащенная инвалидная коляска. В ней, положив руки на рычаги управления, сидел сурового вида худощавый старик.

– Кто это? – спросила Мэг. Паркер улыбнулся:

– Дедушка Понтье. Он всегда появляется в самый подходящий момент!

Глава 5

В самый подходящий момент? Мэг подавила истерический смешок и посмотрела на худощавого мужчину, подъезжающего к ней в коляске. Его тело казалось высохшим, но властная манера высоко держать голову подсказала Мэг, что этот человек привык руководить.

– Ну, как я вижу, у вас побольше здравого смысла, чем у Сиси или Марианны, ничего не скажешь, – заявил старик, тормозя рядом с Мэг и оставшимся рядом с ней Паркером.

«Да, явно привык руководить», – снова подумала Мэг и улыбнулась. Старик уставился на нее пронзительным взглядом.

– Дедушка, – начал Паркер, – позволь тебе представить...

– Ты воображаешь, будто должен рассказывать мне, что происходит в этом доме?

Мэг заметила, что он смотрит на нее только одним глазом, другой же остается наполовину скрытым под нависающим веком. Здоровый глаз подмигнул ей, и, доверившись своей интуиции, Мэг приняла подмигивание за знак дружелюбия, а на резкость тона просто не обратила внимания. В конце концов, если она оценила его неверно, он всего-навсего оторвет ей голову. Коль скоро Мэг влипла в эту историю, ничего не поделаешь, придется как-то выпутываться.

Мэг подмигнула в ответ:

– Ну, значит, вы уже знаете, что меня зовут Маргарет. Но зовите меня Мэг, пожалуйста.

Старик кивнул и стрельнул глазами на Паркера:

– Я не мог не слышать. Тинси вопит так, что и мертвого разбудит. Итак, Мэг, что привело вас в Новый Орлеан?

Мэг невольно переглянулась с Паркером. Тот, казалось, был не меньше ее удивлен вопросом деда. Заявить, что он знает обо всем, что происходит в доме, а потом задать такой вопрос? Паркер пожал одним плечом, и Мэг догадалась, что ей предложено выпутываться самостоятельно.

– Меня привез Жюль, – ответила она. – Но я уверена, что вам и самому это известно.

Старик расхохотался:

– Ого, а вы, оказывается, не мимоза!

Он хлопнул себя правой рукой по колену. Мэг только сейчас заметила, что левая рука лежит неподвижно. Очевидно, левая сторона тела у него парализована. Она подумала, что такому сильному и энергичному мужчине должно быть очень нелегко мириться с параличом. Учитывая это обстоятельство, ей стало легче реагировать на его резкости – гораздо легче, чем на холодность Матильды, которая сейчас как раз подходила к ним с каменным лицом, ведя на буксире взрослую дочь.

– Может, Жюль и привез вас сюда, – начала Матильда ледяным тоном, – однако не удосужился известить семью о своем скоропалительном браке, а это свидетельствует о том,

что он не очень-то высоко вас ставил.

Мэг прекрасно поняла подтекст – Матильда возлагала ответственность за решение Жюля и его поспешный брак на нее. Естественно, теперь она будет винить во всем не Жюля, а Мэг.

По мере того как покойник остывает, его грехи забываются и пропорционально растет снисходительность к нему оставшихся родственников. Этот урок Мэг преподали еще родители Теда после его смерти. Как-то само собой получилось, что они возложили всю ответственность и за финансовый крах компании сына, и за его личные неудачи на нее одну. Мэг следовало делать больше, быть ему лучшей женой. Если бы она нашла работу и приносила деньги, нагрузка на Теда была бы гораздо меньше. Да уж, с таким же успехом они могли просто выкрикнуть: «Это ты убила нашего сына».

Что ж, история повторяется. Присмотревшись к собравшемуся вокруг них обществу, Мэг заметила, что даже доктор Прежан оставил Тинси и придвинулся поближе, как и Кинки. Если они рассчитывают увидеть спектакль, их ждет разочарование.

На какое-то время все замолчали, несомненно, ожидая реакции Мэг и гадая, решится ли она пикироваться с Матильдой. А если Мэг набросится на нее, это только даст им повод линчевать вдову Жюля. Паркер тоже изучал ее. Наверняка он с интересом ждал, какую ложь она выдаст дальше, и надеялся, что на сей раз сумеет ее на чем-нибудь поймать. Мо-

жет, на фразе вроде: «О, мы уже несколько лет были любовниками, наконец, решили пожениться».

Мэг сказала:

– Жюль думал, что его женитьба будет для вас... – она запнулась, но тут же продолжила: – приятным сюрпризом. Он собирался познакомить меня с родственниками... – На этот раз Мэг окончательно смолкла. «На семейном собрании акционеров», – чуть было не вырвалось у нее.

О, это было бы серьезным промахом! Паркер бы сразу понял, что Жюль собирался использовать Мэг как орудие в борьбе, которое поможет ему нейтрализовать роль младшего брата в семейном бизнесе.

– Познакомить... когда?

К облегчению Мэг, вопрос задал не Паркер, а его дед.

– Сегодня.

Мэг беспомощно раздела руками, как бы признавая поражение.

В другом конце комнаты, возле бара, Тинси разразилась слезным воплем:

– Но Жюль не смог, потому что он у-у-умер!

Мэг кивнула, понурила голову и промокнула глаза платочком. Строго говоря, слез у нее не было, но, чтобы выглядеть в роли скорбящей вдовы правдоподобно, особенно рядом с Тинси, выражающей свое горе столь бурно, необходимо хотя бы попытаться изобразить какие-то эмоции.

Мэг не плакала даже тогда, когда умер Тед, двенадцать

лет бывший ее мужем, поэтому то, что она не склонна проливать слезы по поводу печальной кончины Жюля, ее ничуть не удивляло.

Амелия Энн подошла ближе и робко положила руку на плечо Мэг.

– Ну-ну, дорогая, мы понимаем, как вам должно быть тяжело.

– Амелия Энн, – сердито сказала Матильда, – полагаю, тебе не стоит в это вмешиваться.

Амелия Энн уронила руку и покорно вернулась к матери. Мэг подняла голову и улыбнулась Амелии Энн, тронутая ее искренним проявлением доброты. В детские и подростковые годы Мэг иногда встречала взрослых людей вроде Амелии Энн, по велению сердца предлагавших дружбу девочке-сироте, которая жила то у одних приемных родителей, то у других, но в результате судьба неизменно снова возвращала ее в приют. Мэг видела и немало особ вроде Матильды, этаких ходячих образчиков благопристойности, у которых вместо сердца в груди кусок угля.

– Я знаю, что вы все понесли тяжелую потерю, Жюль был частью вашей жизни. – Мэг взглянула на доктора Прежана, который вернулся к Тинси и стоял с ней рядом, обнимая одной рукой за плечи. Именно по его просьбе она пришла в этот дом и продолжает участвовать в этом фарсе. – Если я могу чем-то помочь, то готова сделать все, что в моих силах.

Матильда уставилась на кончик своего носа. Мэг догада-

лась, что старухе так и хочется сказать какую-нибудь колкость вроде: «Я-то знаю, что вы рады удрать с денежками Жюля, вот и вся помощь, которой от вас можно ждать». Однако воспитание вынудило Матильду оставить подобное высказывание при себе. Мэг от души надеялась, что от дурных мыслей у старухи разболится желудок.

Она не раз говорила своим детям, что дурные мысли порождают в теле дурные соки. Дети морщили носы, начинали изображать, что их вот-вот вырвет, но все обычно кончалось смехом, который, конечно, является лучшим средством от дурных мыслей, и в конце концов всем становилось гораздо легче.

Вспомнив о детях, Мэг вздохнула.

– Может, проводить вас в вашу комнату? – неожиданно мягко спросил Паркер.

«В вашу комнату»? Вопрос застал ее врасплох. Мэг вдруг показалось, что ей снова четырнадцать и она пришла знакомиться с очередными приемными родителями, с очередной супружеской парой, которая, если повезет, захочет принять ее в семью, а по сути – с чужими людьми. Ведь никто из них ни разу так и не попытался всерьез познакомиться с ней.

Мэг улыбнулась Паркеру и покачала головой. Она явилась сюда как вдова Жюля только из чувства долга, чтобы перед отъездом из Нового Орлеана по мере сил постараться облегчить страдания родственников покойного.

Из чувства долга? Мэг услышала голос собственной сове-

сти: «Ты здесь потому, что чувствуешь себя виноватой. Ты получила от Жюля десять тысяч долларов, верни их и уезжай сейчас же. Комната, о которой говорит Паркер, вовсе не твоя, ты не имеешь на нее права. Тебе здесь не место, это не твой дом, ты здесь чужая. Ты везде чужая».

Но это не так. У нее есть семья – та, которую создали они с Тедом, и именно ради этой семьи, ради своих детей Мэг и бросилась очертя голову в эту авантюру. И ради них она не вернет эти десять тысяч долларов, если, конечно, удастся договориться со своей совестью.

– Давайте-ка все сядем.

В устах Понтье-старшего эти слова походили не на приглашение, а на приказ. Он нажал какие-то кнопки, управляющие инвалидной коляской. Неожиданно коляска сорвалась с места и поехала прямо на Мэг. Паркер, действуя с быстротой молнии, схватил Мэг за руку и рванул на себя, спасая от опасности. Мэг оказалась прижатой спиной к его крепкой и надежной, как каменная стена, груди, скрытой под дорогим, сшитым на заказ костюмом. Ее сердце затрепыхалось как пойманная птица. Мэг понимала, что ее реакция вызвана не столько опасностью, которой она едва избежала, сколько близостью Паркера, его прикосновением.

Кто сказал, что он избавил ее от опасности? Да притягательность Паркера сама по себе в тысячу раз опаснее для нее, чем сотня потерявших управление инвалидных колясок.

– Черт бы побрал этот рычаг переключения скоростей, –

сказал дедушка Понтье, – прошу прощения.

Матильда поднесла к глазам пенсне:

– Вижу, Оги, ты, как всегда, в дурном настроении.

Она села на двухместный диванчик и похлопала по подушке рядом с собой. Амелия Энн со своей обычной покорностью послушно подошла и опустилась рядом.

– Что ж, зато я по крайней мере жив, чего не скажешь о моем беспутном внуке.

Паркер крепче сжал руку Мэг. Она подняла на него глаза и прочла на его лице то же выражение боли, которое ей запомнилось с их первой встречи в номере отеля. Паркер искренне скорбел по брату. Хотя Жюль рассказывал Мэг, что они не ладили между собой и никогда не были близки, Паркер, похоже, питал глубокие чувства к старшему брату.

Мэг погладила его по руке, инстинктивно пытаясь утешить. В отличие от прошлого раза, когда она позволила себе такой же жест в гостиничном номере, Паркер теперь не отдернул руку, но очень медленно разжал пальцы, улыбнулся и сказал:

– Похоже, опасность вам больше не угрожает.

Если бы так! Сердце Мэг пропустило один удар, и вовсе не потому, что инвалидная коляска проехала в каких-нибудь паре дюймов от ее ступней. Пока Мэг так остро реагирует на простое прикосновение этого мужчины, она далеко не в безопасности. Затем Мэг заметила, что Матильда снова поднесла к глазам пенсне и пристально ее разглядывает. Предпочи-

тая резкость желчи, Мэг пододвинула стул поближе к тому месту, где остановился в своем кресле дедушка Понтье.

Тем временем возле бара Тинси почти повисла на докторе Прежане. Она рыдала у него на груди, а он обнимал ее теперь уже обеими руками. Мэг отметила, что всех остальных состояние Тинси не особенно волнует.

Матильда осуждающим тоном говорила Амелии Энн, что не знает, что выкинет дальше этот человек, который именует себя мэром. Кинки навалился на подлокотник кресла, где сидела дочка Амелии Энн, все так же уткнувшись носом в книгу и не обращая ни на кого внимания. Кинки принялся выбивать пальцами дробь на голове девушки, но даже это не заставило ее оторвать взгляд от книги.

Только Паркер остался рядом с Мэг и не сводил с нее непроницаемого взгляда.

– Поскольку Жюль собирался познакомить вас со своей семьей сегодня, – дедушка Понтье сделал заметное ударение на последнем слове, – может, вы сами расскажете нам немного о себе?

Старик обращался к Мэг, но по тому, как он это произнес, она поняла, что остальные ухватятся за его предложение. И верно. Матильда прервала обличительную речь против мэра и громко сказала:

– Хорошая мысль, Оги. Милочка, расскажите нам о своей семье.

Мэг облизнула пересохшие губы, поспешно соображая,

как бы получше описать свою семью. Ошарашить собравшихся известием, что у нее трое детей, в данный момент представлялось ей не самой удачной идеей.

– Э-э... что бы вы хотели узнать?

– Самые обычные вещи. – Матильда посмотрела на Мэг с таким видом, словно считала ее редкостной тупицей. – Кто ваши родители, в какой школе вы учились, какой университет окончили.

Кинки выпрямился.

– Первая жена Жюля была из рода Даффорков, вторая – из рода Муазен.

Дедушка Понтье стукнул кулаком по подлокотнику инвалидного кресла.

– Да уж, много было проку от их родословных! Ни одна из них не продержалась больше двух лет. Сиси, как я понимаю, просто не могла переломить собственную натуру, но вот почему Марианна не прожила с моим внуком и шести месяцев после того, как...

– Право же, Оги, неужели непременно нужно ворошить грязное белье? – Матильда заговорила еще резче, прищутив властные аристократические глаза.

Примерно то же происходило в домах приемных родителей. Мэг привыкла к тому, что при ее появлении все разговоры умолкают, концы фраз произносятся шепотом. Когда она создала собственную семью, старая боль забылась, но поведение семейства Понтье оживило в памяти Мэг прежние

ощущения. Однако старые раны давно затянулись, а Понтье не смогут нанести ей таких, какие ей не удалось бы залечить.

Но Мэг готова была поспорить на что угодно, что все они впервые видят такую, как она. Самым елейным голоском, на который только была способна, она сказала:

– Я окончила школу с ОЭД.

Матильда посмотрела сначала на деда, потом на Паркера, потом на Кинки. Последний небрежно пожал одним плечом. Мэг догадалась, что Матильда впервые столкнулась с таким понятием, но гордость не позволяет ей спросить, что оно означает. Матильде, но не Амелии Энн.

– Это что-то вроде похвальной грамоты? – тихо спросила та.

Мэг кивнула. Для нее это было большим достижением. Посещая занятия не слишком регулярно, она бросила школу в шестнадцать лет. Когда Мэг было десять, ее замечательные приемные родители, научившие ее любить жизнь и смеяться над жизненными невзгодами, погибли в автокатастрофе. После этого Мэг побывала еще в нескольких семьях, но всем им она, похоже, была нужна не как дочь, а как нянька для их родных детей. С детьми Мэг всегда умела обращаться, это все признавали.

Дочь Амелии Энн сняла с головы наушники и впервые с тех пор, как Мэг вошла в гостиную, проявила некоторую заинтересованность.

– ОЭД – это такая справка, которую выдают тем, кто бро-

сил школу. Чтобы ее получить, надо пройти специальный тест.

Мэг кивнула. Ее не удивило, что девушка следила за разговором, хотя и притворялась, будто слушает музыку.

– Правильно. ОЭД – это общий эквивалент диплома.

– Но вы сказали, что это своего рода похвальная грамота! В голосе Матильды явственно слышались прокурорские нотки. «Кто солжет в малом, солжет и в большом», – словно говорила она.

Понтье-старший хлопнул пятерней по ручке кресла.

– Это лучше, чем совсем не закончить то, что начал. Мэг улыбнулась старику.

Девушка вздохнула:

– Я бы тоже так хотела. Сдаешь один-единственный экзамен, и конец всей тягомотине.

– Изольда! – укоризненно воскликнула Амелия Энн. На ее лице появилось обиженное выражение. – Как ты можешь быть такой легкомысленной! Ты посещаешь лучшую школу в городе! После школы сможешь выбрать любой колледж, какой пожелаешь, и тебя ждет прекрасное будущее.

Ни слова не говоря, Изольда снова закрыла уши наушниками и уткнулась в книгу. Кинки, который на время разговора прекратил выбивать барабанную дробь на голове девушки, возобновил это занятие.

Амелия Энн продолжала возмущаться:

– Тебе следовало бы спросить у дочери другое: откуда она

узнала об этом ОЭД? Приличные девушки о таких вещах не знают! – с негодованием заявила Матильда.

Не снимая наушников, Изольда пояснила:

– Старшая сестра Астора получила ОЭД после того, как забеременела.

– Изольда, води себя прилично! – ужаснулась Амелия Энн, глядя не столько на дочь, сколько на мать.

– Полагаю, вопрос о колледже снимается, – заметил Кинки, наконец перестав выбивать нервную дробь пальцами.

Мэг засомневалась, кого он имеет в виду: подругу Изольды или ее саму, получившую «всего лишь» ОЭД. Она уставилась на его непрестанно движущиеся руки. Что-то в их нервных жестах показалось ей смутно знакомым, но что? Какой-то неясный образ всплывал в памяти, но никак не мог оформиться четко.

– Так вы учились в колледже? – спросил дедушка Понтье.

– В УНЛВ.

– Никогда не слышала о таком учебном заведении, – заявила Матильда.

– Это Университет штата Невада в Лас-Вегасе, – ответил Паркер. Его низкий глубокий голос прозвучал приятным контрастом в сравнении с большинством других, в которых слышались визгливые нотки.

Мэг бросила на Паркера быстрый взгляд, признательная ему за то, что он не сбежал и не оставил ее посреди волчьей стаи. Она почему-то чувствовала, что Паркер предпо-

чел бы оказаться где угодно, только не в центре того, что называл Большой гостиной.

– У них там сильная баскетбольная команда, – вставил доктор Прежан, подводя Тинси поближе к родственникам.

В чрезмерной заботе, которой доктор окружал Тинси, чувствовалось что-то нездоровое. У Мэг возникло ощущение, что доктор Прежан сует нос абсолютно во все стороны жизни семейства Понтье, вторгаясь гораздо дальше, чем позволил бы себе на его месте любой другой врач.

Что ж, по крайней мере они восприняли слова доктора как своего рода одобрение. И ни один не спросил, окончила ли она университет. Мэг видела, что они за ней наблюдают, и спрашивала себя, сможет ли хоть чем-то помочь матери Жюля. Тинси, похоже, живет в своем собственном мире, а все прочие с радостью препоручили ее заботам доктора Прежана.

– Так, со школой и университетом мы разобрались, – подвел итог Понтье-старший. – Теперь расскажите нам о родителях.

Мэг замялась. Воспользовавшись паузой, Кинки вставил:

– Сначала поведайте нам, как вы познакомились с Жюлем.

Старик бросил свирепый взгляд на молодого человека:

– Видно, ты никогда не научишься дожидаться своей очереди. Ни ты, ни мой внук так и не научились уважать старших.

Кинки в уже знакомой Мэг манере пожал одним плечом:

– Наши родители никогда на это особо не напирали.

– Скорее ты просто затыкал уши, когда речь шла об уважении к старшим, – заметила Матильда.

– Ох, да не ворчите вы на меня, – огрызнулся Кинки. – Я знаю, где спрятаны все скелеты.

Лицо Паркера выразило нескрываемое презрение. Мэг могла только гадать, что именно имел в виду Кинки, но вообще-то не хотела знать ответ на этот вопрос. Она желала только одного: поскорее вернуться домой, обнять своих детей и вдохнуть их запах – запах чистоты и невинности.

– Так где вы познакомились с моим внуком? «Может, сгладить ситуацию?» – думала Мэг, оглядывая роскошную гостиную. Она задержала взгляд на бесценных предметах антиквариата. В окна, которые начинались на уровне пола и доходили почти до потолка, была видна широкая веранда, а за ней газон и парк, занимающий, как Мэг уже знала, целый квартал. Однако при всем окружающем их богатстве эти люди просто жалки.

Мэг глубоко вздохнула и решила ответить правду. Но тут она заметила, что Тинси подняла голову и смотрит на нее с надеждой. Мать явно мечтала услышать такую версию последних дней жизни сына, которая напоминала бы окончание волшебной сказки.

– Мы познакомились... – Мэг пыталась подобрать слова, которые были бы не слишком далеки от истины, – на светском мероприятии.

Брови Паркера поползли вверх. Интересно, как высоко бы они взлетели, расскажи Мэг всю правду без утайки, как собиралась вначале? «Он пришел в бар, где я разносила напитки».

– На танцах? – Тинси подалась вперед так резко, что Прержан уронил руку с ее плеч.

– Нет, на музыкальном вечере.

Ну вот, это должно ее удовлетворить, подумала Мэг. Когда Жюль зашел в бар при казино, сел за угловой столик и стал заказывать бурбон с водой порцию за порцией, в зале действительно играл оркестр. Музыканты, как водится, играли с оглушительной громкостью, но оркестр был не хуже любого другого маленького оркестрика в Лас-Вегасе. Талантливые музыканты стекались сюда со всей страны в надежде разбогатеть.

– Вы танцевали? – мечтательно спросила Тинси.

– Мы разговаривали.

Так оно и было. Они действительно разговаривали, да так долго, что Моуз, хозяин бара, окликал Мэг два раза. Он перестал орать, только когда Жюль швырнул ему стодолларовую банкноту.

«После того как Моуз уgomонился, мы продолжили разговор и Жюль попросил меня за тридцать тысяч долларов на три дня стать его женой, и я согласилась, а потом он убил себя, и вот я здесь. Может, я спятила?»

– По-моему, вы расстроили ее, – тихо заметила Амелия

Энн.

Мэг слабо улыбнулась:

– Ничего, со мной все в порядке. Тинси снова расплакалась:

– А со мной – нет!

Перекрывая ее рыдания, Матильда спросила:

– Так расскажите же наконец о своих родителях!

Мэг беспомощно указала на Тинси, но доктор снова взял заботу о ней на себя.

Мэг не могла признаться этим собравшимся вокруг нее пираньям в том, что она сирота. Их собственные родословные наверняка древнее, чем предметы антиквариата, собранные в этой гостиной.

Мэг медлила. Вероятно, лучше всего было бы придумать еще какую-нибудь сказку, но Мэг терпеть не могла ложь, и ей не хотелось добавлять новые звенья к уже сплетенной паутине. Помощь подоспела с неожиданной стороны.

Паркер подошел к Мэг.

– Вероятно, Мэг не хочет говорить о родителях, так как считает, что мы должны судить о ней по ее собственным качествам.

Мэг с удивлением взглянула на Паркера. Что он имеет в виду? Откуда он вообще может что-то о ней знать? Вероятно, изумление отразилось на ее лице.

– Что ты имеешь в виду, Паркер? – Матильда перевела взгляд с Паркера на Мэг.

Мэг попыталась взять себя в руки и принять невозмутимый вид. Если Паркер не нанял частных детективов, способных работать со скоростью света, то он не знает о ее личной жизни абсолютно ничего.

– Я имею в виду, – ответил Паркер, улыбаясь Мэг в такой милой манере, в какой еще никогда не улыбался ей, – что я хорошо знаю родителей Мэг.

Глава 6

Паркер был бы рад взять свои слова обратно, но это было невозможно. Он просто не сдержался. Наблюдая, как его семейство со всех сторон рассматривает и взвешивает Мэг, явно пытаясь найти подтверждение тому, что она не принадлежит к их кругу, Паркер переживал за нее и злился. Злился он даже вдвойне, ибо понимал, что и сам вел себя ничуть не лучше. С первой же минуты, когда Паркер увидел Мэг в номере Жюля, он предположил самое худшее. Он судил ее и наклеивал ярлыки так же, как Матильда и Тинси. Только дед проявил некоторые признаки независимости мышления, что, впрочем, Паркера не удивляло. Понтье-старший никогда не шел по чужим стопам. Для остальных же Мэг в любом случае оказалась бы недостаточно хороша, из какой бы семьи ни происходила. Для Понтье никто не может быть достаточно хорош. Паркер поджал губы, и улыбка, которой он хотел ободрить Мэг, исчезла.

– Вы знали моих родителей?

В голосе Мэг прозвучало недоверие и какое-то необъяснимое волнение, как будто она хотела ему верить, но не могла. Да уж, Паркер повел себя на редкость нелепо. Мэг непременно поймет, что он солгал, чтобы защитить ее. Интересно, этот благородный поступок возвысит его в ее глазах?

– Каким бизнесом они занимаются?

Дед Паркера адресовал вопрос не Мэг, а ему. Естественно, он предположил, что Паркер познакомился с ними на почве деловых контактов. У дедушки Понтье была такая привычка – по меньшей мере раз в неделю говорить внуку, что вся его жизнь заключается в работе и потому он должен научиться получать от этого удовольствие.

– Сахаром, – ответил Паркер, невольно подумав о том, как сладка улыбка Мэг, когда она адресована ему.

– Ну что ж, по крайней мере это респектабельный бизнес, – заметила Матильда. – Вы должны пригласить родителей на поминки. – Она настороженно прищурилась. – А родственники с вашей стороны были приглашены на свадьбу?

Мэг замотала головой.

Судя по выражению лица, ее ответ немного смягчил Матильду.

– Честно говоря, они даже не знают, что мы с Жюлем поженились, – сказала Мэг, слегка заикаясь.

– Вы и им собирались рассказать сегодня? – Понтье-старший ударил по панели управления инвалидной коляской. – Вы все сделали шиворот-навыворот!

– Вы правы. Мне очень жаль, вы даже не представляете, как я сожалею. – У Мэг был такой виноватый тон, что Паркер почти забыл о своих подозрениях. Разве может столь невинное существо быть коварной интриганкой, заманившей Жюля в ловушку и снова посадившей его на кокаин?

Паркеру было неприятно думать о ситуации в столь зло-

вещих выражениях, но факт оставался фактом: когда Жюль снова стал употреблять наркотики, эта женщина была с ним. Его брат терпеть не мог ловить кайф в одиночку, отчасти именно этим и объяснялась его долгая дружба с Кинки.

– Позвоните своим родителям, – распорядился старик Понтье.

– Позвонить? – Мэг растерянно заморгала. – Э-э...

– У вас есть какие-то особые причины не желать, чтобы они принимали участие в вашей жизни?

Матильда давным-давно освоила искусство вкладывать в любой вопрос множество завуалированных намеков, сплошь отрицательных.

– О нет, но они... их сейчас нет в стране.

– Они отправились в заграничное путешествие?

Казалось, Матильде новость понравилась. Паркер же заключил, что Мэг не хочет смущать родных, приглашая их на столь грандиозное мероприятие, каким непременно обернутся поминки и похороны Жюля.

Мэг кивнула. Что-то сегодня она слишком часто кивает. Вероятно, на нее так подействовала обстановка – когда человеку приходится выдерживать коллективное нападение со стороны всех Понтье сразу, всякое может случиться. На ее месте не многие смогли бы держаться так стойко. Паркер до сих пор помнил, как, еще учась в старших классах, впервые привел в дом свою девушку. Тинси раскритиковала ее макияж, отец, который тогда был еще жив, пустился флиртовать

с девочкой, по возрасту годившейся ему в дочери, дед своей резкостью довел ее до слез. Девушка позвонила родителям, чтобы те приехали и забрали ее. Паркер с ней даже не поцеловался.

Он вернулся мыслями в настоящее. Интересно, кто на самом деле родители Мэг? Что за жизнь она вела до того, как вышла за Жюля? Почему бросила школу? Любит ли она мороженое? Паркер невольно улыбнулся. Ему так много хотелось узнать о Мэг.

– Но у меня есть другие родственники, которым мне действительно нужно позвонить, – сказала Мэг.

– Я рад, – сказал дед, – мне бы не хотелось думать, что вы одна на белом свете.

Паркер видел, что на лице Мэг отразилась сложная гамма чувств, своеобразная смесь растерянности и решимости. Только что Мэг готова была противостоять им всем, вместе взятым, а в следующее мгновение Паркеру показалось, что она мечтает удрать, спрятаться в безопасном месте, некоем убежище, которое у нее, по-видимому, есть в ее реальной жизни.

– Мы должны сообщить еще кое-кому, – сказала Амелия Энн.

Матильда смирила дочь недовольным взглядом.

– Что за чушь ты говоришь, мы должны известить множество людей. Не знаю, с какой стати мы тут сидим, когда нам следует заниматься организацией похорон. – Она подня-

ла очки, которые висели на цепочке у нее на шее. – Кинки, будьте так любезны, позвоните Хортону.

Амелия Энн опустила голову и, глядя на свои сложенные на коленях руки, тихо сказала:

– Я имела в виду Гаса. Матильда уронила очки на грудь.

Дедушка Понтье шлепнул по подлокотнику с такой силой, как будто хотел разом убить дюжину moskitov.

Кинки и пальцем не пошевелил, чтобы позвонить в колокольчик и вызвать Хортонa.

Тинси подняла голову с плеча доктора Прежана.

Даже Изольда оторвалась от книги. Ее блестящие, слишком понимающие для подростка глаза внимательно следили за реакцией каждого из взрослых.

Паркера же интересовала реакция только одного человека. Он всмотрелся в Мэг – ее озадаченное выражение не оставляло сомнений в том, что она не подозревает о существовании Гаса. Паркер поразился: даже для Жюля подобное поведение не укладывалось ни в какие границы. Он женился на этой женщине, даже не удосужившись сообщить ей, что у него есть сын. И не просто какой-то счастливый маленький карапуз.

– Я... – начала Мэг.

Паркер перебил ее, не дав задать роковой вопрос: «Кто такой Гас?» Он и на этот раз не знал, почему решил защитить Мэг, разве что не хотел стать свидетелем того, как его семья затопчет ее.

– Вы знаете его как Огюста Жюля-четвертого, – пояснил Паркер. – Но все остальные называют его Гасом.

– Ах да, конечно. – Мэг улыбнулась, и Паркер снова подумал, как же она хороша, когда улыбается.

Его трюк не остался незамеченным Матильдой.

– Но вы ведь знали, что у вашего мужа есть сын от предыдущего брака? – спросила она.

– Конечно, знала, – ответил за Мэг Паркер.

– Сдается мне, ты почему-то не хочешь позволить ей самой отвечать на вопросы, – заметил дед Паркера, пристально изучая Мэг.

Паркер уже почувствовал, что Мэг понравилась его деду куда больше, чем предыдущие жены Жюля, но старик привык жить по собственным правилам. Он либо принимал человека безоговорочно, либо наглухо отгораживался от него. Забавно, но Паркеру хотелось, чтобы дед, которым он восхищался, несмотря на его язвительность, отнес Мэг к первой категории.

– Значит, он не знает о смерти отца? – спросила Мэг медленно, словно мысленно оценивая возможные последствия этого обстоятельства.

Все дружно воззрились на нее.

– Мы сами только что узнали, – обронила Матильда.

– А его мать? Ей разве не надо сообщить?

Кинки расхохотался.

– Дорогая, не знаю, что Жюль наговорил вам о Марианне

Даффорк, но от этой женщины и в лучшие времена бывало мало проку, что уж говорить о каких-то трудностях.

В этом Паркер не мог с ним не согласиться. Он пояснил для Мэг:

– Марианна сама в чем-то похожа на ребенка.

«Как и моя мать», – добавил про себя Паркер. Жюль – по крайней мере один раз – ухитрился жениться на женщине, в точности похожей на Тинси. Сиси, конечно, сделана совсем из другого теста. Она не просто развелась с Жюлем после всего лишь двух месяцев брака, но охотно сообщала любому заинтересованному слушателю, что два месяца жизни с Жюлем отвратили ее не только от мужа, но и от мужского пола вообще. К величайшему облегчению всех членов семейства Понтье, Сиси переселилась в Сан-Франциско. По последним сведениям, она работает массажисткой. Однако, несмотря на то что Сиси отреклась от Жюля и всего мужского пола, она тем не менее исправно обналачивала чеки, поступающие в качестве алиментов.

Мэг выглядела все более озабоченной.

– Для ребенка его возраста потеря одного из родителей... Она не договорила и в упор посмотрела на Паркера. В глазах, цвет которых от края радужной оболочки к зрачку менялся от небесно-голубого до темно-синего, он прочел настойчивый вопрос: Мэг спрашивала его о возрасте мальчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.